

ВОПРОСЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

№ 2 (46)
2013

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия Рег. ПИ № ФС77-29366 от 23.08.2007. Издается три раза в полугодие

Учредители: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН),
Издательская группа «Юрист»

Редакционный совет:

Альтшулер Б.Л., Воронова Е.Л.,
Гордеева М.В., Марков И.И.,
Морщакова Т.Г., Памфилова Э.А.,
Плигин В.Н., Тропина Л.И.,
Чернобровкин В.С., Шилов Н.К.

Главный редактор:

Автономов Алексей Станиславович,
доктор юридических наук, профессор

Шеф-редактор:

Зыков Олег Владимирович,
кандидат медицинских наук, доцент

Заместитель главного редактора:

Предеина Ирина Валерьевна,
кандидат юридических наук

Редакционная коллегия:

Головань А.И., Карнозова Л.М.,
Хананашвили Н.Л., Цымбал Е.И.

Интернет-версия журнала

Егорова А.Ю., Никитина Е.М.

Главный редактор ИГ «Юрист»

Гриб Владислав Валерьевич,
доктор юридических наук

Зам. главного редактора ИГ «Юрист»:

Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Редакция:

Бочарова М.А., Шешеня Н.М.
Тел./факс: (495) 953-91-08, 953-77-94
E-mail: avtor@lawinfo.ru, nan@nan.ru

Центр редакционной подписки:

Тел./факс: (495) 617-18-88 (многоканальный)
Подписка по России
по каталогу «Роспечать» подписной индекс 46773

Адрес для корреспонденции:

125057, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7

Содержание номера

ТЕОРИИ

3 Беженцев А.А.

Эволюция отечественных государственных органов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

ЮВЕНАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

6 Устинович Е.С., Фоломеева Н.В.,

Оценка состояния деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ и их программно-целевые усилия по защите прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (по материалам Орловской области)

ПОЛЕМИКА

11 Марковичева Е.В.

К вопросу об участии социальных работников в уголовном судопроизводстве по делам в отношении несовершеннолетних

МЫСЛИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

16 Сорокина Е.С.

Некоторые аспекты проблемы реализации института принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним обвиняемым, подсудимым

18 Сорокина Е.Н.

К вопросу о ювенальной политике в Российской Федерации

ДОКУМЕНТЫ

21 КОМИТЕТ ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА

ЗАМЕЧАНИЕ ОБЩЕГО ПОРЯДКА № 8 (2006)
Право ребенка на защиту от телесных наказаний и других жестоких или унижающих достоинство видов наказания (в частности, статья 19; пункт 2 статьи 28 и статья 37)

Редакционный совет журнала:

Альтшулер Б.Л., кандидат физико-математических наук, президент региональной общественной организации содействия защите прав детей «Право ребенка», член Общественной палаты Российской Федерации

Воронова Е.Л., судья Ростовского областного суда (специальный состав по делам несовершеннолетних), ответственный секретарь рабочей группы при Совете судей Российской Федерации по вопросам создания и развития ювенальной юстиции в системе правосудия РФ

Гордеева М.В., кандидат экономических наук, председатель правления Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, член Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав

Марков И.И., член Президиума Совета судей Российской Федерации, председатель Липецкого областного суда, председатель рабочей группы при Совете судей Российской Федерации по вопросам создания и развития ювенальной юстиции в системе правосудия Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации

Морщакова Т.Г., доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного суда Российской Федерации (в отставке), заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Памфилова Э.А., председатель Общероссийского Союза общественных объединений «Гражданское общество — детям России», старший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Плигин В.Н., кандидат юридических наук, председатель Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

Тропина Л.И., советник губернатора Московской области, председатель Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при губернаторе Московской области, эксперт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по вопросам улучшения положения детей, молодежи, их правового и патриотического воспитания, совершенствования молодежной и семейной политики, эксперт Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, заслуженный юрист Российской Федерации

Чернобровкин В.С., председатель Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при правительстве Саратовской области

Шилов Н.К., председатель Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга

Главный редактор:

Автономов Алексей Станиславович, доктор юридических наук, профессор

Шеф-редактор:

Зыков Олег Владимирович, кандидат медицинских наук, доцент

Заместитель главного редактора:

Предеина Ирина Валерьевна, кандидат юридических наук

Редакционная коллегия:

Головань А.И., кандидат юридических наук

Карнозова Л.М., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, член Коллегии Центра «Судебно-правовая реформа»

Хананашвили Н.Л., кандидат юридических наук

Цымбал Е.И., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник НИИ при Генеральной прокуратуре Российской Федерации

Вниманию наших авторов!

Отдельные материалы журнала размещаются в электронной справочно-правовой системе «КонсультантПлюс».

Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

Полная или частичная перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Вопросы ювенальной юстиции», допускается только с письменного разрешения редакции. При перепечатке ссылка на журнал «Вопросы ювенальной юстиции» обязательна.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа». Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 60x90/8. Печать офсетная. Общий тираж 2000 экз. Цена свободная.

Номер подписан в печать 24.04.2013 г.

ISSN – 2072–3695

Эволюция отечественных государственных органов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

Беженцев А.А.,

доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел
Санкт-Петербургского университета МВД России,
капитан милиции, кандидат юридических наук

В целях придания нового, целенаправленного и организованного характера деятельности всех звеньев цепи профилактики правонарушений несовершеннолетних в современной России необходимо глубокое изучение накопленного опыта, его положительных и негативных сторон. Проводя ретроспективу развития системы профилактики правонарушений лиц, не достигших совершеннолетия, отметим, что рассматриваемая проблематика не нова и уходит корнями в XVII век.

До «Соборного уложения», которое было принято в 1649 г. в Москве с одобрения царя Алексея Михайловича Романова, в законодательстве, регламентирующем уголовно-правовые отношения, было записано: «... чтобы Московского государства всяких чинов людям от большого до меньшаго..., суд и расправа была во всяких делах всем равна»¹, что в целом уравнивало положение подростков со взрослыми в уголовном процессе и устраняло возможность существования особого привилегированного положения малолетних правонарушителей.

При создании Петром I в 1715 г. «Артикула воинского» впервые к смягчающим обстоятельствам стало относиться малолетство преступника, однако крайне низкий возраст уголовной ответственности, обилие квалифицирующих признаков и чрезмерно жесткие санкции зачастую приводили к тому, что общие суды выносили суровые приговоры и назначали несовершеннолетним такие наказания, как каторжные работы и даже смертная казнь.

В последующие годы государство впервые на высшем законодательном уровне повсеместно на территории Московского централизованного государства устанавливает, что субъектами преступления признаются лица, принадлежащие ко всем сословиям, но не моложе семи лет. Следом, указом от 26 июня 1765 г., были твердо оговорены два возрастных предела касательно лиц, не достигших совершеннолетия: «безусловная судимость», т.е. минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности устанавливал-

ся в десять лет, «возрастом смягчения» был возраст до семнадцати лет.

Прогрессивным этапом развития законодательства применительно к содержанию несовершеннолетних под стражей является первый общегосударственный акт в этой области (и в области улучшения тюремного дела вообще): «Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей и ссыльных» 1832 г. Все осужденные по нему были разделены на три разряда: бродяг, маловажных и важных, каждый из которых должен был содержаться в отдельном помещении, кроме этого запрещалось содержание мужчин в одном помещении с женщинами, а несовершеннолетних — со взрослыми.

Во времена царствования императора Александра II, во второй половине XIX века, ознаменованной проведением коренных преобразований в судебной системе, предупреждение правонарушений несовершеннолетних становится одним из основных направлений деятельности государства и общества. В это время усиленно развиваются правовые основы так называемой превентивной политики, немаловажная роль в которой отводилась не только государственным органам, но и общественным формированиям.

В 1910 г. в Санкт-Петербурге был создан первый специализированный судебный орган по делам малолетних. Серьезного внимания заслуживает организация при Санкт-Петербургском особом суде попечительской части, которая включала в себя положительно характеризующихся взрослых лиц (попечителей), разбирающихся в педагогике и психологических особенностях личности несовершеннолетних правонарушителей, призванных обеспечить процесс эффективной ресоциализации и реабилитации подростка. Как помощник судьи, попечитель, владея основами уголовного, семейного, «школьного» права, выполнял функции по сбору сведений о личностных особенностях несовершеннолетнего, совершившего противоправное деяние, его образе жизни, окружении, которое могло повлиять на формирование его противоправных намерений.

Особое внимание предупреждению правонарушений и преступлений, в частности несовершеннолетних, уделялось в социалистическом обществе. 14 января 1918 г. был опубликован Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних»². В ст. 1 этого нормативно-правового акта конкретизировалось, что суды и тюремное заключение для малолетних и всех не достигших совершеннолетия лиц упраздняются, а дела о несовершеннолетних обоюбого пола до семнадцати лет, совершивших антиобщественные и противоправные проступки, рассматриваются комиссиями для несовершеннолетних.

В вышедшем 20 марта 1920 г. Декрете о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях в форме действия, указывалось, что при невозможности применения к лицу, не достигшему совершеннолетия, педагогических, психологических, воспитательных и медицинских мер воздействия дело следует передавать для разбирательства по существу в народный суд, таким образом, все протоколы о совершении несовершеннолетними старше четырнадцатилетнего возраста тяжких и особо тяжких преступлений должны были в течение суток с момента доставления и задержания направляться в адрес народного суда. По закону ему необходимо было в течение трех суток со дня получения протокола провести все следственные мероприятия по определению роли лица, не достигшего совершеннолетнего возраста, в тяжком противоправном деянии, и внести в комиссию по делам несовершеннолетних подробный доклад³. Важным фактом является и то, что до заслушивания в комиссии доклада народного суда члены комиссии не могли вмешиваться в его действия, что, безусловно, способствовало полному, всестороннему и объективному рассмотрению дела о преступлении несовершеннолетнего.

Переломным моментом в деле профилактики правонарушений несовершеннолетних является создание специализированных органов правопорядка по борьбе в первую очередь с преступлениями не достигших совершеннолетия лиц. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» в структуре Главного управления Рабоче-крестьянской милиции были созданы детские комнаты милиции. С этой даты начинается история подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел⁴ (31 мая официально признан Днем подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федера-

ции). Данным постановлением были ликвидированы созданные в 1918 г. комиссии по делам несовершеннолетних и вся деятельность по ликвидации беспризорности и безнадзорности, устройству несовершеннолетних «ложилась на плечи» милиции.

Ряд новых серьезных вопросов в сфере борьбы с преступностью несовершеннолетних возник в период войны, когда тысячи и тысячи детей были лишены жилья, семьи, родителей, что способствовало росту числа беспризорных и безнадзорных детей и, как результат, количества преступлений по линии несовершеннолетних, однако репрессивные меры, применяемые в указанный период к несовершеннолетним, остановили дальнейшие негативные последствия.

Следующим этапом в развитии профилактики правонарушений несовершеннолетних явилось подписание 3 июня 1967 г. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних»⁵, которые действуют и по сей день. Главными задачами комиссий по делам несовершеннолетних стали организация работы по предупреждению безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних, охрана их прав, рассмотрение дел о правонарушениях лиц этой категории.

Важной вехой в комплексной деятельности по профилактике асоциального поведения, безнадзорности, правонарушений и преступлений лиц, не достигших восемнадцати лет, стало принятие Указа Президента Российской Федерации от 6 сентября 1993 г. № 1338 «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁶. Данный нормативный акт в настоящее время утратил юридическую силу (диапазон действия его полной редакции: с 21 сентября 1993 г. по 13 января 2000 г.), но именно он заложил основу для развития законодательства о профилактике правонарушений и защите прав несовершеннолетних и предусматривал создание государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений лиц, не достигших совершеннолетия.

Дальнейшая эволюция законодательства, регламентирующего как правовой статус не достигших восемнадцатилетнего возраста лиц, так и деятельность органов системы противодействия правонарушениям лиц, не достигших совершеннолетия, безусловно, связана со своевременным принятием на федеральном уровне важнейших нормативных актов, среди которых особо следует выделить Уголовный кодекс Российской Федерации⁷, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях⁸ и Федеральный закон «Об основах системы профилактики

безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ⁹.

В 90-е годы XX века органы милиции, координирующие деятельность по профилактике правонарушений несовершеннолетних, носили различные названия (30 июня 1991 г. инспекции по делам несовершеннолетних были реорганизованы в подразделения по предупреждению и пресечению правонарушений несовершеннолетних, которые в свою очередь 26 мая 2000 г. были переименованы в отделы по делам несовершеннолетних; 2 апреля 2004 г. центры временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей были переименованы в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел), а к настоящему моменту низовое звено подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел представлено центрами временного содержания несовершеннолетних правонарушителей и отделами по делам несовершеннолетних.

Итак, идеи по оптимизации государственно-общественных механизмов предупреждения правонарушений несовершеннолетних и привлечения их к ответственности начали генерироваться столетия назад, а становление и развитие отечественных государственных органов по контролю за совершением несовершеннолетними противоправных деяний прошло достаточно длительный путь.

В завершение научной статьи можно сделать вывод о том, что история развития отечественных государственных органов по профилактике безнадзорности и правонарушений лиц, не достигших совершеннолетия — это не что иное, как генезис принципа индивидуального подхода к данной категории правонарушителей, возведенный в ранг государственной политики.

Анализ исторического принципа индивидуализации в данном контексте показывает, что мы имеем дело с поступательным его развитием, пиком которого, как представляется, стал советский период, т.к. в это время государство не только обеспечивало деятельность по предупреждению правонарушений несовершеннолетних, но и одновременно занималось их обеспечением.

Однако в период реформ и перехода к новому укладу экономики государство оказалось не способным осуществлять дальнейшую поддержку указанной системы. Таким образом, деятельность по профилактике и предупреждению правонарушений несовершеннолетних оказалась на пороге полной деградации и разрушения, т.к. в услови-

ях сложившихся реалий исполнение поставленных задач могло обеспечиваться только посредством рыночных механизмов, которые до конца еще не сформировались. В 90-е годы центр тяжести социально-превентивной работы в исследуемой сфере сместился в сторону подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Не удивительно, что в сложившихся условиях особую актуальность приобретает вопрос о том, каков потенциал этих подразделений в предупредительной деятельности, все ли резервы в законодательстве и иных государственных правовых механизмах задействованы с целью более успешной профилактической деятельности в сегменте правонарушений несовершеннолетних.

Литература

1. Андрюхина Н.Г. Становление и развитие органов предупреждения беспризорности и преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского городского юридического института. 2006. № 1.
2. Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказания несовершеннолетних (теоретическое введение в изучение спецкурса) : учебное пособие. М., 1970.
3. Бабаев М.М. Индивидуализация наказания несовершеннолетних. М., 1968.
4. Ведерникова О. Ювенальная юстиция: исторический опыт и перспективы // Российская юстиция. 2000. № 7.
5. Галкин А. Возвращение ювенальной юстиции в Россию // Российская юстиция. 2002. № 7.
6. Дубоносова А.Э. Роль государства в профилактике преступлений несовершеннолетних: исторический аспект // Адвокатская практика. 2005. № 6.
7. Каневский Л.Л. Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних. М. : Юридическая литература, 1958.
8. Ландо А.С. Представители несовершеннолетних обвиняемых в советском уголовном процессе. Саратов, 1977.
9. Лутошкин Г.Ю., Лутошкина Т.В. Методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними. М. : Департамент кадрового обеспечения, 2006.
10. Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел. М., 2005.
11. Мельникова Э.Б. Правосудие по делам несовершеннолетних: история и современность. М. : Наука, 1990.
12. URL: <http://www.disserr.ru>.
13. URL: <http://www.lawinfo.ru>.
14. URL: <http://www.urait.ru>.
15. URL: <http://www.urait-book.ru>.

¹ Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного производства от Судебника до Уложения о губерниях. М., 1959. С. 187–224.
² СУ РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.
³ Инструкция комиссии по делам несовершеннолетних. СУ РСФСР. 1920. № 13. Ст. 83.
⁴ См.: Об объявлении Дня подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации : Приказ МВД России от 18.12.2003 № 1005.
⁵ Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 314.

- ⁶ Собрание актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. 1993. № 37. Ст. 3449.
- ⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

- ⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1).
- ⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.

Оценка состояния деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ и их программно-целевые усилия по защите прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (по материалам Орловской области)

Устинович Е.С.,

доктор политических наук, профессор

Фоломеева Н.В.,

магистрант Орловского филиала Российской академии

народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации,

ведущий специалист аппарата

Уполномоченного по правам ребенка в Орловской области

В последние годы улучшение положения детей в Российской Федерации, обеспечение их прав и интересов стало одним из основных национальных приоритетов. Принят ряд важнейших законодательных актов в указанной сфере, созданы независимые государственные и общественные институты контроля за соблюдением прав детей. Вместе с тем многие важнейшие проблемы в сфере защиты прав и интересов детей, обеспечения их благополучия остаются нерешенными.

Бегство детей из семей, увеличение числа детей-отказников, лишение родительских прав, рост социального сиротства, ухудшение здоровья детей — это далеко не полный перечень явлений, свидетельствующих о детском неблагополучии¹.

Назовем основные категории детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Это дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, дети с ограниченными возможностями здоровья, дети, находящиеся в конфликте с законом.

К основным причинам попадания детей в трудную жизненную ситуацию можно отнести плохие материальные условия жизни семьи, бедность, жилищные проблемы, потерю членами семьи связи с рынком труда, внутрисемейные конфликты, безответственное

родительство, жестокое обращение с детьми, неблагополучное семейное окружение детей: алкоголизм, наркоманию и др.

Есть основания полагать, что наиболее болезненными проблемами являются плохие жилищные условия и острый дефицит дохода, за ними следует высокий уровень конфликтности в семье и только потом — все остальные виды неблагополучия.

Система социальной поддержки и реабилитации детей и подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, была создана в Российской Федерации в конце прошлого века. Тогда кардинальные изменения, происходившие в экономике, стали причиной снижения уровня и качества жизни, прежде всего семей с детьми.

Так, в 1990-е годы были приняты основополагающие федеральные законы в области прав детей — «Об основных гарантиях прав детей в Российской Федерации»², «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»³. В этих законах обозначены основные категории детей, которые нуждаются в государственной поддержке, а также службы, которые обязаны помогать им.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 1992 г. № 543 «О первоочередных мерах по реализации Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей в 90-е годы» в Российской Федерации была создана система социальных служб для семьи и детей, основанная на принципах индивидуального подхода к каждому, нуждающемуся в помощи, комплексного решения проблемы, гуманистической направленности работы, соблюдения Конвенции о правах ребенка.

Основу такой системы образуют учреждения социального обслуживания семьи и детей — центры социальной помощи семье и детям, центры психолого-педагогической помощи населению, центры экстренной психологической помощи по телефону, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, социальные приюты для детей и подростков, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, реабилитационные центры для детей и подростков с ограниченными возможностями, кризисные центры.

В соответствии с Указом Президента России⁴ в 2008 г. в России был создан Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Основная цель деятельности Фонда — поддержка социальных программ и проектов, направленных на решение проблем детей и семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁵ поддержка и социальное обслуживание граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также детей-сирот, безнадзорных детей, детей, оставшихся без попечения родителей, были отнесены к полномочиям субъектов по предметам совместного ведения с Российской Федерацией.

В 47 субъектах Российской Федерации (Республика Коми, Республика Марий Эл, Удмуртская Республика, Республика Бурятия, Калужская, Смоленская, Рязанская, Тверская, Псковская, Пензенская области и др.) реализуются целевые региональные программы, направленные на защиту прав и интересов ребенка⁶.

В ряде субъектов Российской Федерации (Алтайский край, Приморский край, г. Санкт-Петербург, Новгородская, Костромская, Белгородская, Кировская, Самарская, Курганская области и др.) созданы службы сопровождения семей, находящихся в со-

циально опасном положении. Работа таких служб осуществляется на основе комплексной индивидуальной программы социальной реабилитации семьи, формируемой при участии всех органов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и учитывающей особенности семьи (структуру, материальное положение, характер внутрисемейных отношений, специфику неблагополучия).

В Орловской области реализуется более 10 комплексных программ по обеспечению государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите и реализации их прав и законных интересов во всех сферах жизнедеятельности:

— долгосрочная областная целевая программа «Комплексные меры по совершенствованию системы профилактики правонарушений и усилению борьбы с преступностью в Орловской области в 2012–2015 годах»⁷;

— долгосрочная областная целевая программа «Формирование здорового образа жизни у населения Орловской области на 2012–2016 годы»⁸;

— государственная программа Орловской области «Молодежь Орловщины на 2013–2020 годы»⁹;

— долгосрочная областная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Орловской области на 2012–2016 годы»¹⁰;

— долгосрочная целевая программа «Социальное сопровождение и адаптация воспитанников и выпускников интернатных учреждений Орловской области на 2011–2013 годы»¹¹;

— долгосрочная областная целевая программа «Развитие образования в Орловской области на 2011–2015 годы»¹²;

— долгосрочная областная целевая программа «Социальная поддержка инвалидов (доступная среда) на 2012–2014 годы»¹³;

— долгосрочная областная целевая программа «Оздоровление и отдых детей в Орловской области на 2012–2016 годы»¹⁴;

— долгосрочная областная целевая программа «Совершенствование организации питания в образовательных учреждениях Орловской области на 2013–2017 годы»¹⁵;

— долгосрочная областная целевая программа «Развитие сети дошкольных образовательных учреждений в Орловской области на 2011–2015 годы»¹⁶;

— государственная программа «Социальная поддержка граждан в Орловской области на 2013–2016 годы»¹⁷;

— программы повышения уровня дорожной безопасности «Цель — ноль» на 2010–2015 годы и проект «Скажем нет алкоголизму, курению и наркомании», реализуемый Орловской региональной общественной организацией «Родители за детей».

Программными документами определены основные мероприятия, необходимые для достижения поставленных целей, предусмотрено их финансирование, оговорены критерии оценки их результативности.

Кроме того, на территории области действуют региональные законы, обеспечивающие защиту прав и законных интересов детей: закон Орловской области от 22.08.2005 № 529-ОЗ (ред. от 05.09.2012) «О гарантиях прав ребенка в Орловской области» (принят ООСНД 12.08.2005); закон Орловской области от 03.12.2010 № 1154-ОЗ (ред. от 05.07.2012) «О государственной молодежной политике в Орловской области» (принят ООСНД 26.11.2010); закон Орловской области от 29 октября 2003 г. № 357-ОЗ (ред. от 05.08.2011) «О государственной социальной помощи в Орловской области» (принят ООСНД 24.10.2003); закон Орловской области от 04.02.2003 № 304-ОЗ (ред. от 03.10.2012) «Об ответственности за административные правонарушения» (принят ООСНД 24.01.2003); закон Орловской области от 22 августа 2005 г. № 533-ОЗ (ред. от 03.10.2012) «Об образовании в Орловской области» (принят ООСНД 12.08.2005) и другие, которые включают мероприятия, направленные на профилактику правонарушений среди несовершеннолетних, защиту прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Следует отметить, что в целях оказания психологической помощи женщинам и детям, подвергшимся физическому и психологическому воздействию, в Орловской области открыт Кризисный центр, созданный для оказания экстренной адресной социальной, психологической, правовой, медико-социальной помощи семьям с детьми, оказавшимся в ситуации угрозы жизни и здоровью, перенесшим психофизическое насилие.

В 2012 г. в Российской Федерации определены основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей. Принята Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы¹⁸, которая является политическим приоритетом российского государства.

В этом же году указом губернатора области А.П. Козлова № 406 утверждена Стратегия действий в интересах детей в Орловской области¹⁹.

Важным звеном в государственной системе защиты прав несовершеннолетних граждан России стал институт уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации — ведомство, созданное для отстаивания прав и интересов детей, имеющее статус независимого органа.

Основная работа по предотвращению семейного неблагополучия и жестокого обращения с детьми и оказанию помощи детям и подросткам, находящимся в трудной жизненной ситуации, проводится органами опеки и попечительства, органами внутренних дел, органами и учреждениями в сфере социальной защиты населения, образования и здравоохранения. Координацию деятельности указанных органов и учреждений осуществляют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, созданные в соответствии с законодательными актами субъектов Российской Федерации.

Однако, несмотря на принимаемые организационно-практические меры, в 2011–2012 гг. наблюдался заметный рост показателей преступности несовершеннолетних в Орловской области. Об этом свидетельствуют данные из ежегодного Доклада Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации: «...рост преступлений в отношении несовершеннолетних в 2011 году наблюдался в 28 субъектах Российской Федерации, при этом наибольший зафиксирован в Республике Марий Эл (+72,3%, с 148 до 255), Брянской (+65,5%, с 200 до 331), Орловской (+121,2%, с 85 до 188), Смоленской (+185,9%, с 99 до 283) и Свердловской (+25,3, с 1741 до 2182) областях»²⁰.

Аналитические данные, представленные УМВД России по Орловской области за 2012 г., показывают, что в сравнении с аналогичным периодом прошлого года количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, увеличилось на 28,5%²¹.

Следует отметить, что чаще всего преступления совершают дети с низким уровнем познавательных интересов. У большинства из них в структуре личности доминируют отрицательные качества: лень, безволие, безответственность, конформизм, нечуткость, агрессивность.

По данным УМВД РФ по Орловской области, в течение 2012 г. органами внутренних дел профилактическая работа была проведена более чем с 700 неблагополучных родителей, сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних поставлено на учет 316 родителей, не исполняющих свои обязанно-

сти. По решению суда 65 родителей лишены родительских прав.

Из семей социального риска сотрудниками ПДН в органы внутренних дел в 2012 г. доставлено 1307 несовершеннолетних, в том числе 266 — находящихся в обстановке, не отвечающей требованиям содержания и воспитания. При этом большинство из них составляли дети, лишившиеся родительского попечения по «социальным» причинам.

Эти данные свидетельствуют о несвоевременном выявлении семейного и детского неблагополучия, отсутствии комплексной профилактической работы с семьей на ранней стадии кризиса.

Уполномоченный по правам ребенка в Орловской области Владимир Поляков, участвуя в работе «круглых столов» по проблемам несовершеннолетних, неоднократно указывал на необходимость собрать в единую систему деятельность всех субъектов профилактики, осуществляемую с подростками и «трудными» семьями. Этому во многом может способствовать создание в области единого электронного банка данных, образованного из унифицированных паспортов на каждого ребенка этой категории, или семью, находящуюся в сложном положении. Это даст возможность очень оперативно анализировать в том числе и причины правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, участие в их предупреждении родителей, педагогов, работников органов опеки и попечительства, правоохранительных органов, институтов власти и гражданского общества²².

Положительно следует оценить то обстоятельство, что сотрудники субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних области регулярно проводят анализ работы с семьей с целью прогнозирования ситуации и принятия мер к родителям, не исполняющим обязанности по воспитанию, обучению и содержанию несовершеннолетних. Благодаря их слаженной профилактической работе в 2011–2012 гг. в области были достигнуты, в частности, следующие положительные результаты: во-первых, заметно снизилось количество родителей, лишенных родительских прав; во-вторых, выросла численность родителей, восстановленных в своих правах; в-третьих, выросла численность родителей, в отношении которых отменено ограничение родительских прав.

Большая работа проведена в области по налаживанию эффективного обмена информацией органов внутренних дел с другими субъектами профилактики региона.

При этом следует учесть тот факт, что при решении детских проблем все больше учитывается положительная практика работы по защите прав несовершеннолетних в субъектах Российской Федерации.

Тем не менее от граждан к Уполномоченному по правам ребенка в Орловской области ежегодно поступает информация о нахождении детей и подростков в ситуации, угрожающей их жизни и здоровью, о несоблюдении родителями своих обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, о фактах жестокого обращения с детьми. Имели место случаи неоправданной жестокости школьников по отношению к сверстникам.

Можно сделать предположение о том, что во многих субъектах Российской Федерации возникают похожие проблемы. Учитывая, что проблемы детей формируются в семье, следует признать, что ответственное родительство должно стать инструментом решения многих социальных проблем, связанных в том числе с социальным сиротством и его профилактикой.

Литература

1. Об основных гарантиях прав детей в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ : ред. от 03.12.2011 : с изм. и доп., вступившими в силу с 01.09.2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ : ред. от 30.12.2012 : с изм. и доп., вступившими в силу с 31.01.2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
3. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
4. О создании Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации : Указ Президента Российской Федерации от 26 марта 2008 г. № 404 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
5. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы : Указ Президента Российской Федерации № 761 от 1 июня 2012 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2013).
6. Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Комплексные меры по совершенствованию системы профилактики правонарушений и усилению борьбы с преступностью в Орловской области в 2012–2015 годах : Постановление Правительства Орловской области от 6 декабря 2011 г. № 420 : в ред. от 24.10.2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
7. Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Формирование здорового образа жизни у населения Орловской области на 2012–2016 годы : Постановление Правительства Орловской области от 10.08.2011 № 263 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).

8. Об утверждении государственной программы Орловской области «Молодежь Орловщины на 2013–2020 годы : Постановление Правительства Орловской области от 29.12.2012. № 520 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 9. Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Орловской области на 2012–2016 годы : Постановление Правительства Орловской области от 28.12.2011 № 458 : ред. от 29.12.2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 10. Об утверждении долгосрочной целевой программы «Социальное сопровождение и адаптация воспитанников и выпускников интернатных учреждений Орловской области на 2011–2013 годы : Постановление Правительства Орловской области от 01.06.2011 № 165 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 11. Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Развитие образования в Орловской области на 2011–2015 годы : Постановление Правительства Орловской области от 02.09.2010 № 321 : ред. от 12.11.2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 12. Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Социальная поддержка инвалидов (доступная среда) на 2012–2014 годы : Постановление Правительства Орловской области от 16.08.2011 № 272 (ред. от 26.11.2012) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 13. Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Оздоровление и отдых детей в Орловской области на 2012–2016 годы : Постановление Правительства Орловской области от 14.12.2011 № 433 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 14. Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Совершенствование организации питания в образовательных учреждениях Орловской области на 2013–2017 годы» : Постановление Правительства Орловской области от 07.09.2011 № 302 : ред. от 15.02.2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 15. Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Развитие сети дошкольных образовательных учреждений в Орловской области на 2011–2015 годы : Постановление Правительства Орловской области от 21.06.2011 № 191 (ред. от 02.11.2012) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 16. Об утверждении государственной программы Орловской области «Социальная поддержка граждан в Орловской области на 2013–2016 годы : Постановление Правительства Орловской области от 19.12.2012 № 479 // [Портал Орловской области — публичный информационный ресурс]. URL: http://www.orel-region.ru/index.php?head=17&part=19&formName=docsearch&doc_type=3&doc_organ=12&fwords=&number=479&date1f=19-12-2012&date2f=01-12-2012&date3f=20-12-2012&x=33&y=11.
 17. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы : Указ Президента Российской Федерации № 761 от 1 июня 2012 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2013).
 18. Об утверждении Стратегии действий в интересах детей в Орловской области на 2012–2017 годы : Указ Губернатора Орловской области от 8 октября 2012 г. № 406 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2013).
 19. Доклад Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации (2011 г.) // [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/7>.
 20. Пресс-релиз «Круглый стол» по проблемам несовершеннолетних (03.12.2012) // URL: <http://orel-deti.ru/news?id=461>.
 21. Информация о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Орловской области. Орел : ИД «Орлик», 2013. 145 с.
 22. Дети в трудной жизненной ситуации: новые подходы к решению проблем (отпечатано по заказу Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации). М. : ООО «Малый бизнес», 2010. 91 с.
- 1 Дети в трудной жизненной ситуации: новые подходы к решению проблем (отпечатано по заказу Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации). М. : ООО «Малый бизнес», 2010. С. 91.
 - 2 Об основных гарантиях прав детей в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ : ред. от 03.12.2011 : с изм. и доп., вступившими в силу с 01.09.2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 - 3 Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ : ред. от 30.12.2012 : с изм. и доп., вступившими в силу с 31.01.2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 - 4 О создании Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации : Указ Президента Российской Федерации от 26 марта 2008 г. № 404 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 - 5 Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 - 6 Доклад Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации (2011 г.) // [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/7>.
 - 7 Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Комплексные меры по совершенствованию системы профилактики правонарушений и усилению борьбы с преступностью в Орловской области в 2012–2015 годах : Постановление Правительства Орловской области от 6 декабря 2011 г. № 420 : в ред. от 24.10.2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 - 8 Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Формирование здорового образа жизни у населения Орловской области на 2012–2016 годы : Постановление Правительства Орловской области от 10.08.2011 № 263 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 - 9 Об утверждении государственной программы Орловской области «Молодежь Орловщины на 2013–2020 годы : Постановление Правительства Орловской области от 29.12.2012. № 520 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 - 10 Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Орловской области на 2012–2016 годы : Постановление Пра-

- ительства Орловской области от 28.12.2011 № 458 : ред. от 29.12.2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
- 11 Об утверждении долгосрочной целевой программы «Социальное сопровождение и адаптация воспитанников и выпускников интернатных учреждений Орловской области на 2011–2013 годы : Постановление Правительства Орловской области от 01.06.2011 № 165 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 - 12 Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Развитие образования в Орловской области на 2011–2015 годы : Постановление Правительства Орловской области от 02.09.2010 № 321 : ред. от 12.11.2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 - 13 Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Социальная поддержка инвалидов (доступная среда) на 2012–2014 годы : Постановление Правительства Орловской области от 16.08.2011 № 272 (ред. от 26.11.2012) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 - 14 Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Оздоровление и отдых детей в Орловской области на 2012–2016 годы : Постановление Правительства Орловской области от 14.12.2011 № 433 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 - 15 Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Совершенствование организации питания в образовательных учреждениях Орловской области на 2013–2017 годы» : Постановление Правительства Орловской области от 07.09.2011 № 302 : ред. от 15.02.2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 - 16 Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Развитие сети дошкольных образовательных учреждений в Орловской области на 2011–2015 годы : Постановление Правительства Орловской области от 21.06.2011 № 191 (ред. от 02.11.2012) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2013).
 - 17 Об утверждении государственной программы Орловской области «Социальная поддержка граждан в Орловской области на 2013–2016 годы : Постановление Правительства Орловской области от 19.12.2012 № 479 // [Портал Орловской области — публичный информационный ресурс]. URL: http://www.orel-region.ru/index.php?head=17&part=19&formName=docsearch&doc_type=3&doc_organ=12&fwords=&number=479&date1f=19-12-2012&date2f=01-12-2012&date3f=20-12-2012&x=33&y=11.
 - 18 О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы : Указ Президента Российской Федерации № 761 от 1 июня 2012 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2013).
 - 19 Об утверждении Стратегии действий в интересах детей в Орловской области на 2012–2017 годы : Указ Губернатора Орловской области от 8 октября 2012 г. № 406 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2013).
 - 20 Доклад Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации (2011 г.) // [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/7>.
 - 21 Информация о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Орловской области. Орел : ИД «Орлик», 2013. 145 с.
 - 22 Пресс-релиз «Круглый стол» по проблемам несовершеннолетних (03.12.2012) // URL: <http://orel-deti.ru/news?id=461>.

К вопросу об участии социальных работников в уголовном судопроизводстве по делам в отношении несовершеннолетних

Марковичева Е.В.,

профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»,
доктор юридических наук, доцент

У российского правоприменителя часто возникают вопросы, связанные с участием в производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего таких лиц, как эксперт, специалист и педагог (психолог). Степень определенности их процессуального статуса существенно варьируется: от более определенного у эксперта до наименее определенного у педагога (психолога) или совершенно неопределенного у экспериментально вводимого социального работника.

Фактически социально-личностное сопровождение ювенального уголовного судопроизводства обеспечивается в значительной степени за счет участия указанных субъектов. Их участие в уголовном процессе имеет под собой некоторые законодательные основания, выражающиеся в нормативном закреплении расширенного предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Зарубежные модели ювенальной юстиции в сравнении с российским уголовным процессом преду-

смаатривают более широкое использование неюридических знаний в ювенальном уголовном судопроизводстве. Это связано в первую очередь с тем, что на уровне государственной политики закрепляется приоритет не общеуголовных, а воспитательных и образовательных механизмов воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Такой подход определяет и специфику производства в ювенальном суде, и пределы исследования личности и социального окружения несовершеннолетнего правонарушителя, и круг специалистов — неюристов, привлекаемых в ювенальный процесс.

Российский законодатель счел необходимым обозначить лишь процессуальную фигуру педагога или психолога. К сожалению, в ныне действующем УПК РФ отсутствует легальное определение педагога или психолога. Определение педагога или психолога не дается ни в ст. 5 УПК РФ, ни далее по тексту кодекса.

Однако проблемы касаются не только определения, процессуальное положение педагога или психолога в российском уголовном процессе является весьма неопределенным. С одной стороны, он является специалистом, с другой, его процессуальные функции отличаются от функций специалиста. Ситуация усугубляется и недостаточной законодательной оформленностью в УПК РФ процессуального статуса специалиста, что может свидетельствовать «как об отсутствии у законодателя четкого представления о том, какова роль специалиста в уголовном процессе, так и об отсутствии теоретической ясности в том, что следует относить к правам и обязанностям специалиста, а что — к направлениям его деятельности»¹.

В таких сложных законодательных условиях для участия педагога или психолога в российском уголовном процессе ведется экспериментальное привлечение в рамках внедрения ювенальных технологий в уголовное судопроизводство так называемого социального работника.

С одной стороны, наблюдается стойкий интерес и теоретиков, и практиков к введению в уголовное судопроизводство данного специалиста. С другой стороны, введение данной фигуры в уголовный процесс сопряжено с целым рядом трудностей объективного характера, с которыми нельзя не считаться.

Во-первых, в отличие от западных государств, в России отсутствует та самая надлежащая законодательная база для привлечения социального работника в производство по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего. Без такой законодательной основы моделировать участие социального работника в уголовном судопроизводстве не просто затруд-

нительно, а фактически невозможно. Без этого нельзя четко определить и процессуальный статус социального работника в уголовном процессе.

Во-вторых, отсутствует четкое понимание сущности понятия «социальный работник». В результате в данную категорию попадают различные специалисты, имеющие и юридическое, и психологическое, и педагогическое образование. Полагаем, что вопрос о наполнении соответствующим содержанием понятия «социальный работник» применительно к нуждам уголовного судопроизводства является далеко не праздным или излишне теоретизированным. Сущностная неопределенность в данном случае приведет к появлению в уголовном процессе еще одной фигуры с аморфным процессуальным статусом. При таком подходе социальный работник как процессуальная фигура вполне может повторить судьбу специалиста, только в еще более гипертрофированном виде.

Сторонники введения в уголовное судопроизводство социального работника подчеркивают, что значение и сущность этого понятия следует понимать не в общепотребительном смысле, а в специальном, применимом к уголовному процессу. Например, в Ростовской и Ленинградской областях социальный работник — это помощник судьи, выполняющий функции социального работника.

На наш взгляд, в данном случае мы имеем дело с неудачной отечественной калькой аналогичных зарубежных понятий, применяемых для обозначения различных специалистов неюридического профиля с целью обеспечения той самой социальной насыщенности уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Впрочем, сложно выдвинуть какие-либо принципиальные возражения против использования данного термина в уголовном процессе при условии выработки четкого легального определения понятия «социальный работник в ювенальном уголовном судопроизводстве». Такой путь является оправданным и в силу того, что при всей своей полисемантической данный термин прошел определенное «опривычивание» среди правоприменителей.

Целью деятельности социального работника в ювенальном уголовном судопроизводстве является определение адекватных мер по вторичной превенции и ресоциализации несовершеннолетнего правонарушителя и оказание содействия в сборе социальной информации о личности несовершеннолетнего. Реализация такой цели требует от законодателя и правоприменителя выстраивания четкой модели. Ин-

формация должна собираться не только о личности несовершеннолетнего, но и о его социальном окружении и социальном взаимодействии, поскольку «потребность в целостном исследовании личности обвиняемого определяется тем, что сегодня человек активно включен в многообразие связей и отношений с действительностью»².

Введение легального термина «социальный работник» должно идти параллельно с определением его процессуального статуса и функций. На сегодняшний день в рамках экспериментальных наработок более решенным является вопрос процессуальных функций социального работника, в то время как его процессуальные права и обязанности обозначаются весьма схематично или не определяются вообще.

Само по себе привлечение различных специалистов для исследования личности несовершеннолетнего и его социального окружения является позитивным моментом. Реализация данной функции будет способствовать выполнению установленных законодателем в ст. 421 УПК РФ требований. Однако механизм привлечения социального работника к установлению обстоятельств, фактически составляющих расширенный предмет доказывания по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего, в рамках пилотных проектов не определен, да и нормативно не закреплён. Для ряда зарубежных государств такая ситуация вполне нормальна, поскольку одним из принципов отправления правосудия в отношении несовершеннолетних рассматривается как раз отказ от формальных процедур. Если речь идет о совершении нетяжких преступлений, то нередко приоритет в самой процедуре отдается специалистам — неюристам и социальным технологиям, обеспечивающим вторичную превенцию. В данном случае социальный компонент может нередко превалировать над юридическим даже в ущерб правам личности. В российском уголовном процессе с четкой регламентацией уголовно-процессуальной формы есть не только свои минусы, но и существенные плюсы, поскольку «объему и способам учета возрастных особенностей несовершеннолетних судьи в западных странах уделяют больше внимания, но не менее важны гарантии прав личности несовершеннолетнего, которые российская судебная процедура по делам несовершеннолетних обеспечивает полнее»³.

Следует отметить, что на сегодняшний день совершенно не ясно, с помощью каких средств и методов социальный работник должен осуществлять помощь судье в исследовании личности несовершеннолетнего или лично осуществлять социально-

психологическое исследование в отношении несовершеннолетнего, а также каковы пределы данного исследования и его нормативные основания.

К слову говоря, и образовательный уровень участвующих в таком эксперименте по внедрению ювенальных технологий социальных работников существенно различается. При этом все они должны решать практически идентичные задачи, что следует из обозначенных направлений деятельности. Более того, подобные функции сами по себе требуют уточнения и конкретизации, поскольку четкого определения социально-психологического исследования и его пределов в рамках уголовного судопроизводства не существует. С точки зрения современной психологии, «личность» — это «особое качество человека, приобретаемое им в социокультурной среде в процессе совместной деятельности и общения»⁴. Исследование личности несовершеннолетнего правонарушителя имеет определенную специфику, связанную с возрастными закономерностями формирования личности, с учетом ее адаптации, индивидуализации и интеграции. С этой позиции вмешательство специалиста — неюриста обоснованно и оправданно, поскольку «личность преступника исследуется как социальная проблема, которую необходимо решать путем поиска причин данного явления и, соответственно, предложения рекомендаций по их устранению»⁵. Интерес к дополнительному социальному исследованию личности несовершеннолетнего стимулирует и современное состояние правоприменительной практики, когда нередко уголовные дела в отношении несовершеннолетних поступают в суд с минимумом характеризующей несовершеннолетнего информации.

Однако решение такой комплексной задачи требует от специалиста владения методами исследования личности несовершеннолетнего в комплексе с исследованием его социального взаимодействия и процессов социальной адаптации, индивидуализации и интеграции. Основные направления деятельности социального работника в рамках проводимых экспериментов предполагают изучение психологических особенностей личности несовершеннолетнего, социальной и воспитательной среды подростка, выяснение причин и условий преступления, принятие мер по их устранению, предупреждению правонарушающего поведения таким подростком в будущем. В зарубежных моделях ювенальной юстиции такое сочетание является достаточно традиционным, поскольку при определении приоритетных направлений ювенальной политики в большинстве государств в отличие от России нет деления ее задач на уголовно-правовые,

криминологические, уголовно-процессуальные и криминалистические. А интеграция на целевом уровне ведет к интеграции на уровне форм и средств реализации поставленных задач.

Российская модель решения аналогичных задач не может строиться по пути механического копирования западных аналогов с учетом того, что для нашей страны характерны более четкие границы между различными направлениями исследования личности несовершеннолетнего правонарушителя. Поэтому, еще раз подчеркнем, основной недостаток всех экспериментальных проектов — это в значительной степени ориентация на «западные» модели без учета специфики отечественного уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

Вряд ли в таких условиях социальный работник, не владеющий методиками социально-психологического исследования, сможет реализовать возложенную на него функцию. В данном случае ему придется лишь дублировать дознавателя, следователя или судью, на которых уже законом возложена функция установления обстоятельств, указанных в ст. 421 УПК РФ, и собирать дополнительную информацию, характеризующую личность несовершеннолетнего правонарушителя и его социальное окружение. Не совсем ясно, как помощник судьи с функциями социального работника может изучать психологические и психоэмоциональные особенности личности несовершеннолетнего по материалам уголовного дела, поскольку возможность его личных контактов с несовершеннолетним подсудимым законодательно не урегулирована и практически зачастую невыполнима, например, в силу нахождения несовершеннолетнего под стражей. Если вести речь о привлечении социальным работником других специалистов, то в модели должен быть четко определен законодательный механизм их привлечения. А на сегодняшний день в российском уголовном процессе отсутствует сама фигура социального работника, не говоря уже о лицах, оказывающих ему содействие.

Вторая и последующие проблемы напрямую связаны с первой. Если социальный работник собирает определенную характеризующую несовершеннолетнего информацию, то закономерно возникает вопрос о пределах такого социального исследования личности несовершеннолетнего и его социального окружения. Установление таких пределов на законодательном уровне весьма затруднительно, однако возможно создание механизма судебного обжалования действий социального работника в случае на-

рушения в ходе подобного исследования личных прав граждан.

В настоящее время судьи стали привлекать психологов, социальных работников и педагогов для составления так называемой карты социально-психологического сопровождения на несовершеннолетнего. Какие же задачи призвано решить составление такой карты и что же она собой представляет? На первый вопрос ответ напрашивается сам собой: это средство получения дополнительной информации о несовершеннолетнем с целью установления обстоятельств, указанных в ч. 1 и ч. 2 ст. 421 УПК РФ. Однако при этом упускается из виду то обстоятельство, что «знания об обстоятельствах и фактах, подлежащих установлению по уголовному делу, и об их существовании всегда приобретаются только при помощи определенных средств, облеченных в предусмотренную законом уголовно-процессуальную форму, а именно — посредством доказательств, полученных из перечисленных в ст.ст. 76–84 УПК РФ источников, в результате производства предусмотренных ст. 86 УПК РФ процессуальных действий»⁶. И здесь возникают сложности с ответом на второй вопрос: что же представляет собой карта социально-психологического сопровождения? Российское уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает такого источника доказательств. Если обратиться к анализу процедуры получения сведений для заполнения такой карты и характеру данных, вносимых в нее, то становится очевидным, что данные об уровне интеллектуального развития несовершеннолетнего, состоянии его эмоционально-волевой сферы могут быть получены только в ходе судебно-психологической экспертизы. Не ясно, почему Верховный Суд Российской Федерации, рекомендуя судам использование карт социально-психологического сопровождения, не акцентировал внимание на необходимости соблюдения процессуальной формы получения доказательств. Тем более сомнительным с точки зрения действующего законодательства является привлечение к сбору информации о несовершеннолетнем помощника судьи с функциями социального работника. Следствием такого подхода является неопределенный статус карты социально-психологического сопровождения и серьезные сомнения в возможности ее использования в качестве источника доказательственной информации.

Полагаем, что карта социально-психологического сопровождения должна представлять собой часть заключения эксперта, составленного по результатам

судебно-психологической экспертизы. В противном случае информация, содержащаяся в карте, может носить характер только ориентирующей, но не доказательственной информации.

Примечательным в данном контексте является опыт других государств, решающих указанную проблему более рационально — через законодательное закрепление соответствующих механизмов. В частности, ч. 2 ст. 486 вновь принятого УПК Украины предусматривает возможность назначения судебно-психологической экспертизы для выяснения уровня развития, других социально-психологических черт личности несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, которые необходимо учитывать при назначении наказания и избрании меры воспитательного характера.

Очевидно, что внедрение ювенальных технологий в российское уголовное судопроизводство не должно носить характер сомнительного эксперимента и требует четких законодательных оснований, отражающих в том числе и специфику доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Следует сказать и о том, что эффективность деятельности социального работника во многом зависит от востребованности результатов его работы в ходе судебного разбирательства. Судья в принятии решений не связан доводами социального работника и, в принципе, может их даже проигнорировать при принятии судебного решения. В то же время необходимо закрепить обязанность судьи ознакомиться с результатами исследования, проведенного социальным работником, и учитывать собранные материалы при вынесении приговора и определении наказания. Именно такая позиция находит свое законодательное закрепление применительно к французской ювенальной юстиции. Ювенальный судья или прокурор

обязаны обратиться в службу судебной защиты молодежи до того, как будет принято какое-либо решение или сформулировано какое-либо требование. Соответствующий отчет должен быть приложен к материалам дела несовершеннолетнего правонарушителя.

К сожалению, действующая российская модель уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних фактически не позволяет привлекать подобного работника на стадии предварительного расследования. А ведь именно на данной стадии судопроизводства должен осуществляться сбор основной социально- и личностно-ориентирующей информации о несовершеннолетнем подозреваемом или обвиняемом.

Несомненным преимуществом зарубежных моделей ювенального уголовного судопроизводства является наличие в них четких и достаточно детально проработанных концепций участия специалистов в области образования и социальной работы в судопроизводстве по делам несовершеннолетних. На сегодняшний день для России актуальной является именно разработка такой целостной концепции участия социального работника в уголовном судопроизводстве по делам несовершеннолетних.

¹ Верещагина А. Институт специалиста в УПК РФ // Уголовное право. 2007. № 3. С. 86.

² Гуськова А.П. Личность обвиняемого в уголовном процессе (проблемные вопросы науки и практики) // Избранные труды. Оренбург, 2007. С. 123.

³ Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учебное пособие. М.: Дело, 2001. С. 95.

⁴ Современный психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М., 2007. С. 201.

⁵ Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. М., 2006. С. 40.

⁶ Зинатуллин З.З., Егорова Т.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальное доказывание: Концептуальные основы. Ижевск, 2002. С. 16.

ВНИМАНИЕ!

Уважаемые авторы!

Напоминаем Вам, что все публикации в журналах Издательской группы «Юрист» являются **БЕСПЛАТНЫМИ!**

Если Вам станут известны факты взимания денег за опубликование статей, просим незамедлительно сообщить об этом в редакцию по телефону (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru.

Некоторые аспекты проблемы реализации института принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним обвиняемым, подсудимым

Сорокина Е.С.,

магистрант Чебоксарского кооперативного института (филиала)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)

Уважай всякого человека,
но во сто крат больше уважай ребенка.
Л.Н. Толстой

Благополучие и нормальное развитие детей определяет будущее любой страны. Дети в силу своего возраста, ограниченной дееспособности уязвимы и зависимы от мира взрослых. По этой причине у них есть привилегированные права по сравнению со взрослыми, что закреплено в Конвенции по правам ребенка. И права несовершеннолетних нуждаются в особой защите и надежных механизмах ее осуществления, позволяющих обеспечить целенаправленную и приоритетную защиту прав каждого ребенка в отдельности и детей в целом.

Современные условия общественной жизни, порожденные нестабильностью в экономической сфере, могут оказать негативное воздействие на формирование подрастающего поколения. Общеизвестно, что «криминальное» молодое поколение является резервом взрослой преступности, поэтому распространенность преступлений среди детей и подростков, их качественные и количественные характеристики не без оснований могут расцениваться как прогностические для всей преступности. Не случайно предупреждение преступлений среди несовершеннолетних рассматривается как важнейший аспект предупреждения преступности в обществе в целом. Эта проблема на протяжении ряда лет привлекает внимание законодательной и исполнительной власти, в т.ч. правоохранительных органов.

По официальным данным, в Чувашской Республике в 2007 г. несовершеннолетними совершено 1407, в 2008 г. — 948, в 2009 г. — 795, в 2010 г. — 585, в 2011 г. — 567 преступлений. Таким образом, приведенная статистика свидетельствует о тенденции к сокращению количества преступлений, совершенных несовершеннолетними. Однако официальные показатели, вместе с тем, не отражают в

полной мере сущность этой весьма сложной проблемы.

Российская Федерация относится к немногим странам современного мира, где защита прав несовершеннолетних развита крайне слабо, а правосудие по делам несовершеннолетних, как самостоятельная подсистема общего правосудия, отсутствует вовсе. Приходится с сожалением констатировать тот факт, что российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательства далеки от международных правовых стандартов. Они не всегда обеспечивают эффективное осуществление правосудия в отношении несовершеннолетних, с тем чтобы оно было направлено на применение к ним мер воздействия, соизмеримых как с особенностями их личности, так и с обстоятельствами совершенного деяния. Корень проблемы в данном случае связан и с недостатками практики судопроизводства по уголовным делам, когда процессуально уполномоченные должностные лица не уделяют должного внимания изучению личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Пробелы такого рода приводят к тому, что суд при постановлении приговора, вопреки требованию нормы п. 15 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, не может объективно разрешить вопрос о применении принудительных мер воспитательного воздействия в случаях, указанных ст. 90 и ст. 91 УК РФ. Этим существенно ущемляются предусмотренные отраслевым законом права и законные интересы несовершеннолетнего подсудимого в части, касающейся возможности прекращения уголовного дела и его шанса на исправление без применения уголовного наказания.

Так, действующий УПК РФ установил гарантии, а также основания, условия и порядок:

1) прекращения уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ);

2) освобождения судом несовершеннолетнего подсудимого от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 431 УПК РФ);

3) освобождения судом несовершеннолетнего подсудимого от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия или направлением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием (ст. 432 УПК РФ).

В первом случае судом выносится постановление о применении принудительных мер воспитательного воздействия; во втором — постановление о прекращении уголовного дела и применении принудительных мер воспитательного воздействия; в третьем — приговор с освобождением несовершеннолетнего от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Наличие такого процессуального механизма позволяет констатировать, что законодательное начало привилегированного решения вопросов, связанных с ответственностью несовершеннолетних, совершивших преступление, в уголовном судопроизводстве создано. Проблема же заключается главным образом в практическом применении к этим лицам принудительных мер воспитательного воздействия, исключающих или заменяющих уголовное преследование, уголовную ответственность или уголовное наказание.

По нашим исследованиям, в последнее время нормы УПК РФ о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в досудебной стадии производства органами уголовной юрисдикции, скорее, рассматриваются как декларативные, чем применяются в практике судопроизводства. Так, в Чувашской Республике в 2010 г. в соответствии со ст. 427 УПК РФ было прекращено только одно уголовное дело. Согласно статистическим данным Управления Судебного департамента Чувашской Республики, судами в 2011 г. было рассмотрено 452 дела о преступлениях несовершеннолетних, что на 11% меньше, чем в 2010 г. В 2010 г. таких дел было рассмотрено 508, что на 28% меньше, чем в 2009 г. (в 2009 г. таких дел было рассмотрено 713).

На фоне снижения количества уголовных дел, рассматриваемых судами в отношении несовершеннолетних, количество прекращенных судами уголовных дел с применением мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним за 2011 г. составило 35, что

составляет всего 7,7% общего количества рассмотренных дел в суде в отношении несовершеннолетних. В 2010 г. в Чувашии с применением ст. 431 УПК РФ было прекращено 32 дела, что составляет 6,3% от общего количества направленных в суд дел в отношении несовершеннолетних (в 2009 г. — 38 дел, что составляет 5,3%).

Изучение практики работы судов свидетельствует о низком проценте применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним. Так, в судах Ленинского района г. Чебоксары за 2008–2011 гг. всего по шести уголовным делам в отношении несовершеннолетних были применены принудительные меры воспитательного воздействия, а за этот же период в судах Московского района г. Чебоксары по 66 уголовным делам была применена ст. 431 УПК РФ. А в некоторых районах республики вообще не применяются меры воспитательного воздействия к несовершеннолетним. Таким образом, можно сказать, суды Чувашской Республики явно недостаточно используют воспитательный потенциал принудительных мер воспитательного воздействия. И это происходит из-за многих факторов, в числе которых:

1) отсутствие в уголовном судопроизводстве хорошо налаженного и устоявшегося процессуального алгоритма применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним лицам, совершившим преступление;

2) недостаточно эффективное взаимодействие органов уголовного правосудия с социальными службами;

3) прерывистость и непоследовательность работы с несовершеннолетними государственными и общественными органами и их специалистов;

4) отсутствие единого подхода к оценке социально-криминальной ситуации несовершеннолетних (к оценке его потенциала и риска совершения повторных преступлений);

5) неразвитость методико-технологического обеспечения органов и учреждений в системе уголовного правосудия;

6) отсутствие системы мониторинга и поддержки реабилитационных программ и социальных услуг для несовершеннолетних, совершивших преступления;

7) ограниченность внутренних (кадровых, организационно-управленческих, технологических) ресурсов для выполнения установленных законодателям задач.

Исследования свидетельствуют о недостатках не только процессуального, но и организационного характера. Так, сотрудники правоохранительных орга-

нов и работники субъектов профилактики осуществляют свою деятельность в состоянии постоянного методического и информационного голода. До работников доводятся лишь сведения ведомственного плана, практически отсутствуют материалы комплексных междисциплинарных и межведомственных исследований и методических пособий. Не ведется анализ современных технологий работы с несовершеннолетними, слабо проводится работа по внедре-

нию положительного опыта других ведомств и органов, общественных организаций.

С учетом проведенного исследования мы считаем, что более широкое применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, будет серьезным подспорьем в процессе их исправления без привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания.

К вопросу о ювенальной политике в Российской Федерации

Сорокина Е.Н.,

ассистент кафедры уголовного права

Пензенского государственного университета

Ювенальной политикой в самом общем виде принято называть социально ориентированную государственную политику в отношении несовершеннолетних. Данная политика должна отражать как общие интересы, потребности и права всех без исключения лиц до 18 лет, так и блага различных социальных и возрастных групп несовершеннолетних.

Цель ювенальной политики заключается в создании правовых, экономических, социальных, политических, организационных, финансовых и других условий для успешного функционирования системы жизнеобеспечения молодого поколения и института семьи; в повышении качества жизни детей, подростков и молодежи; в социально-правовой защите многодетной, неполной, кризисной семьи и социально-экономическом поддержании молодой семьи как основополагающего института российского общества¹.

Формирование и реализация ювенальной политики невозможны без становления ювенальной юстиции, отвечающей требованиям нынешней ситуации в стране. Ювенальная юстиция — это правосудие по делам несовершеннолетних. Понятие ювенальной юстиции включает особый порядок судопроизводства, отдельную систему судов для подростков (ювенальных судов), а также совокупность идей, концепций социальной защиты и реабилитации несовершеннолетних правонарушителей².

Россия относится к числу тех немногих стран современного мира, где защита прав несовершенно-

летних как отрасль социальной политики и социального права развита крайне слабо, а правосудие по делам несовершеннолетних (ювенальная юстиция) как самостоятельная подсистема общего правосудия отсутствует. В то же время более чем столетний период функционирования в мире различных моделей ювенальной юстиции, в том числе и в дореволюционной России, доказал их эффективность в деле защиты прав и законных интересов детей и молодежи³.

В данном аспекте вызывает интерес опыт Свердловской области. В Думе находится более 300 законопроектов, они затрагивают интересы детей во всех сферах жизни. Среди них есть документы, касающиеся защиты детей от сексуального насилия и уточняющие нормы Административного и Уголовного кодексов; есть и те, что вносят изменения в Семейный кодекс. То есть реформирование идет практически по всем отраслям права. Как дополняет А. Дементьев, законодатель уделяет больше внимание детям-жертвам. За прошлый год в Свердловской области перед судом предстали 2400 детей, а от уголовных преступлений пострадали 4760, и это еще не считая случаев домашних побоев, в которых разбираются мировые судьи. Приведенные цифры говорят о том, что система уголовного и уголовно-процессуального права, сложившаяся в отношении детей, подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных, сейчас достаточно стабильна.

Больше всего споров разворачивается вокруг установления системы социального патроната над семьями из группы риска. Цель законодателя в данном случае — попытаться создать механизм, который бы сократил число случаев лишения пап и мам родительских прав. Прежде чем лишать родителей прав на детей, социальные работники окажут им психологическую и материальную помощь, попытаются убедить их взять себя в руки. Ведь нередко бывает так, что прав лишают матерей-одиночек, которые, оказавшись в тяжелой ситуации, начинают злоупотреблять спиртным. Они частенько одумываются, подают заявления на восстановление в правах. В практике судов не один десяток таких случаев. Социальный патронат призван еще на ранней стадии выволить из такого жизненного кризиса семьи, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, и не допустить их распада⁴.

Кроме того, принятые в 1985 г. Генеральной Ассамблеей ООН Пекинские правила позволили сделать вывод о том, что мировое сообщество, уделяя внимание детям и молодежи, исходило из необходимости более тщательной воспитательной работы, способствующей развитию детей и предупреждению правонарушений.

В числе основных целей Пекинские правила закрепляют, что государства-участники должны стремиться в соответствии со своими интересами способствовать благополучию несовершеннолетнего и его или ее семьи (п. 1.1). Также государства-члены должны стремиться к созданию условий, позволяющих обеспечить содержательную жизнь подростка в обществе, которая в тот период, когда она или он наиболее склонны к неправильному поведению, будут благоприятствовать процессу развития личности, в максимальной степени свободному от возможности совершения преступления и правонарушений (п. 1.2).

Также в Пекинских правилах подчеркивается важнейшая роль семьи в профилактике правонарушений несовершеннолетних. Не случайно законодатель поставил семью на первое место в перечне всех возможных ресурсов в профилактической работе по борьбе с правонарушениями несовершеннолетних. Каждое общество должно придавать первостепенное значение потребностям и благополучию семьи и всех ее членов. Поскольку семья является ее основной ячейкой, ответственной за первичную подготовку детей к жизни в обществе, государству, общественным учреждениям следует прилагать усилия для сохранения целостности семьи. Общество обязано оказывать семье помощь в обеспечении ухода

за детьми, их защиты и в укреплении их физического и психического здоровья.

Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы), принятые 14 декабря 1990 г., устанавливают в п. 13, что правительствам следует выработать политику, способствующую воспитанию детей в условиях стабильной и благополучной семьи. Семьям, нуждающимся в помощи для преодоления внутренней нестабильности или конфликтных ситуаций, должны предоставляться необходимые услуги⁵.

В подтверждение того, что семья представляет собой важный социальный институт в государстве, Конституция Российской Федерации (принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) провозгласила в ст. 38: «Материнство, детство, семья находятся под защитой государства». В соответствии с этим конституционным принципом выстраивается государственная политика в отношении семьи и прежде всего несовершеннолетних. Также Указ Президента № 761 от 1 июня 2012 г. «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» провозгласил главный принцип ювенальной политики — защита семьи. Таким образом, государственная семейная политика является одной из важнейших частей государственной социальной политики.

Следует отметить, что на федеральном законодательном уровне идея ювенальной юстиции ранее не была одобрена (подтверждением чему служит отклонение Государственной Думой проекта ФКЗ «О внесении дополнений в Федеральный Конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» (в котором предусматривалось введение ювенальных судов), но, несмотря на это, в ряде регионов России, в частности в Ростовской, Саратовской, Волгоградской и Пермской областях, Москве, Санкт-Петербурге, Красноярском крае, Ханты-Мансийском округе и других, отработывались «пилотные» проекты в рамках ювенальной юстиции. Их опыт позволяет выделить как перспективные и эффективные, так и проблемные стороны ювенальных технологий, применяемых в реальных российских условиях.

Говоря о проблемной стороне, неприемлемым можно назвать изъятие детей из семей в рамках «пилотных» проектов по внедрению ювенальных технологий. К семьям «группы риска», по мнению «ювеналов», относятся семьи «матерей-одиночек», малоимущие и многодетные. Поэтому противники новых законодательных актов боятся, что с их вступлением в силу увеличится число случаев лишения родительских

прав из-за недостатка продуктов в холодильнике, что органы опеки смогут принимать решения об изъятии ребенка из семьи на основании лишь субъективных факторов. Причем в каждом «пилотном» регионе действуют свои основания для изъятия, а их перечень не органичен и нормативно не закреплён.

Так, в своем выступлении 19 января 2011 г. в независимом пресс-центре круглого стола «Похищения детей от имени государства: изъятие детей из семей по «социальным показаниям»», организованного Комитетом за гражданские права (г. Москва), Марина Ожегова («Горячая линия помощи семьям и детям») сообщила о деле семьи Кузнецовых из Москвы. У семьи был долг по ЖКХ. Коммунальщики обратились к опеке. Те пришли, составили акт о том, что не был сделан ремонт. На основании этого акта 4 детей забрали из дома, одного, как беспризорного и безнадзорного, — из школы (как ребенок, посещающий школу, может быть беспризорным или безнадзорным — вопрос не к автору статьи, а к опеке). После того как история семьи Кузнецовых вызвала большой скандал, детей вернули, однако угрозы: «Не заплатите — отберем детей снова!» — продолжают поступать.

По словам Марины, данная практика приводит к тому, что «каждый год в РФ отправляются в детдом по решению суда 60 тысяч детей. При этом жестокое обращение вменяется в вину опекунам только в 2 тысячах случаев (!)»⁶

Составление актов обследования, затрагивающих только материальные стороны жизни семьи, не затрагивающих суть взаимоотношений родителей и детей, — общая проблема всех заявителей. Претензии опеки к родителям прежде всего основаны на недостаточном материальном обеспечении детей.

Следовательно, отсутствие правовых механизмов регулирования данной сферы отношений порождает благоприятную обстановку для нарушения законных родительских прав, предусмотренных ст. 38 Конституции Российской Федерации, ст. 12 Всеобщей Декларации Прав человека, ст. 5 и ст. 9 Конвенции о правах ребенка⁷, ст. 63 и ст. 68 СК РФ.

Надо сказать, что родительские права и права на семейное воспитание нуждаются в государствен-

ной защите от незаконного (необоснованного) изъятия ребенка из семьи без соответствующего решения суда, а также необоснованного лишения родительских прав.

Приведенные факты и доводы позволяют сделать один общий вывод о том, что ювенальная политика должна быть направлена на оказание максимального содействия обеспечению благополучия несовершеннолетних, что сведет к минимуму необходимость вмешательства со стороны системы правосудия в отношении несовершеннолетних и, в свою очередь, уменьшит ущерб, который может быть нанесен каким-либо вмешательством вообще. Не только меры заботы в отношении молодежи, уже совершившей правонарушения, но и принимаемые меры к несовершеннолетним до совершения ими правонарушений с целью профилактики последних являются, на наш взгляд, основным содержанием ювенальной политики.

Таким образом, ювенальная политика будет эффективной лишь тогда, когда она будет являться элементом всей государственной правовой системы, в том числе в сфере преступности несовершеннолетних. Она должна быть органично взаимосвязана со всеми направлениями государственной правовой политики на стадиях выработки, принятия и реализации решений.

¹ Слуцкий Е.Г. Ювенальная политика России // URL: <http://www.juvenilejustice.ru>.

² Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. проф. А.Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 858.

³ Николаева Ю.В. О государственной политике в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних // Адвокат. 2009. № 6. С. 14–13.

⁴ Гаврилова Н. Развеели «ювенальные» мифы // URL: <http://www.rg.ru/2012/10/19/reg-urfo/deti.html>.

⁵ Калинкина М.Ю. Международные документы в интересах детей и молодежи: особенности правовой защиты (ретроспективный анализ с XIX в. по настоящее время) // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 3 (17). С. 45.

⁶ Комитет за гражданские права. Похищение детей от имени государства: изъятие детей из семей по «социальным показаниям» // URL: <http://www.zagr.org/922.html>.

⁷ Конвенция о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 : вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.

Организация Объединенных Наций
Конвенция о правах ребенка

Distr.
GENERAL
CRC/C/GC/8
21 August 2006
RUSSIAN
Original: ENGLISH

КОМИТЕТ ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА
Сорок вторая сессия
Женева, 15 мая — 2 июня 2006 года

ЗАМЕЧАНИЕ ОБЩЕГО ПОРЯДКА № 8 (2006)
Право ребенка на защиту от телесных наказаний и других жестоких или унижающих достоинство видов наказания (в частности, статья 19; пункт 2 статьи 28 и статья 37)

I. ЦЕЛИ

1. После двух дней общих дискуссий по теме «Насилие в отношении детей», проведенных в 2000 и 2001 гг., Комитет по правам ребенка решил принять ряд замечаний общего порядка по вопросу ликвидации насилия в отношении детей. Ниже излагается замечание из их числа. Комитет видит своей целью оказание содействия государствам-участникам в понимании положений Конвенции, касающихся защиты детей от всех форм насилия. Настоящее замечание посвящено телесным наказаниям и другим жестоким или бесчеловечным видам наказания, которые в настоящее время являются широко распространенными и применяемыми видами насилия в отношении детей.

2. В Конвенции о правах ребенка и других международных документах по правам человека признается право ребенка на уважение его человеческого достоинства и физической неприкосновенности и равную защиту в рамках закона. Комитет принимает настоящее замечание общего порядка, с тем чтобы подчеркнуть обязанность всех государств-участников принять оперативные меры по запрещению и ликвидации всех телесных наказаний и всех других жестоких или унижающих достоинство видов наказания детей, а также наметить законодательные и другие информационно-пропагандистские и просветительские меры, которые должны принять государства.

3. Выработка неприятия широко распространенной практики телесных наказаний детей, вос-

питание нетерпимого отношения к ней и искоренение ее в семье, школе и т.д. является не только обязанностью государств — участников Конвенции. В этом состоит принципиальная стратегия уменьшения и предупреждения всех форм насилия в обществе.

II. ПРЕДЫСТОРИЯ ВОПРОСА

4. Со своих первых сессий Комитет уделяет особое внимание утверждению права детей на защиту от всех форм насилия. При рассмотрении докладов государств-участников, а в самое последнее время — в контексте исследования Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по вопросу о насилии в отношении детей — он с серьезной обеспокоенностью отмечал широко распространенную законность и сохраняющееся общественное одобрение телесных наказаний и других жестоких или бесчеловечных наказаний детей¹. Уже в 1993 г. Комитет отметил в своем докладе на четвертой сессии, что он «признал важность изучения вопроса о телесных наказаниях для совершенствования системы поощрения и защиты прав ребенка и постановил и впредь уделять ему внимание при рассмотрении докладов государств-участников»².

5. По мере рассмотрения докладов государств-участников Комитет рекомендовал запретить все телесные наказания в семье и в других местах более чем 130 государствам на всех континентах³. Комитет

воодушевлен тем, что все большее число государств принимают соответствующие законодательные и другие меры для утверждения права детей на уважение их человеческого достоинства и физической неприкосновенности, а также равной защиты в рамках закона. Комитет располагает информацией, что к 2006 г. более 100 государств запретили телесные наказания в своих школах и пенитенциарных системах для детей. Растет число государств, завершающих процесс запрещения таких наказаний дома и в семье, а также во всех формах альтернативного ухода⁴.

6. В сентябре 2000 г. Комитет провел первый из двух дней общих дискуссий по вопросу о насилии в отношении детей. В центре его внимания был вопрос о «насилии со стороны государства по отношению к детям», и Комитет впоследствии принял обстоятельные рекомендации, включая рекомендации, касавшиеся запрещения всех телесных наказаний и развертывания информационно-просветительских кампаний, «с тем чтобы общественность имела представление о степени тяжести нарушений прав человека в этой области и об их пагубных последствиях для детей и обеспечить неприятие обществом насилия в отношении детей посредством «поощрения нетерпимости» в отношении насилия»⁵.

7. В апреле 2001 г. Комитет принял свое первое замечание общего порядка о «целях образования» и вновь подтвердил, что телесные наказания несовместимы с Конвенцией: «...Дети не теряют своих прав человека, переступая порог школы. Так, например, образование должно предоставляться таким образом, чтобы при этом обеспечивалось уважение присущего ребенку достоинства и создавались возможности для свободного выражения ребенком своих мнений в соответствии с пунктом 1 статьи 12 и участия в школьной жизни. Образование должно также предоставляться таким образом, чтобы при этом соблюдались строгие ограничения в отношении дисциплины, о которых говорится в пункте 2 статьи 28, и поощрялось отсутствие насилия в школе. Комитет неоднократно ясно отмечал в своих заключительных замечаниях, что применение телесного наказания противоречит уважению присущего ребенку достоинства и нарушает строгие ограничения, касающиеся школьной дисциплины...»⁶.

8. В рекомендациях, принятых после второго дня общей дискуссии по теме «Насилие в отношении детей в семье и школах», проведенного в сентябре 2001 г., Комитет призвал государства «в первоочередном порядке принять или отменить свое законодательство для запрещения всех форм насилия, даже

самых незначительных, в семье и школах, в том числе в качестве одной из форм поддержания дисциплины, как того требуют положения Конвенции...»⁷.

9. Еще одним результатом проведенных в 2000 и 2001 гг. дней общих дискуссий стала рекомендация обратиться через Генеральную Ассамблею к Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций⁸ с просьбой о проведении углубленного международного исследования по вопросу о насилии в отношении детей. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций высказала такую просьбу в 2001 г. В контексте исследования Организации Объединенных Наций, проведенного в 2003–2006 гг., была подчеркнута необходимость запрещения любого легализованного в настоящее время насилия в отношении детей, а также глубокая обеспокоенность самих детей по поводу практически повсеместного широкого распространения телесных наказаний в семье, а также их сохраняющейся во многих государствах законности в школах и других учреждениях и пенитенциарных системах для детей, находящихся в конфликте с законом.

III. ОПРЕДЕЛЕНИЯ

10. «Ребенок» определяется в Конвенции как «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее»⁹.

11. Комитет определяет «телесное» или «физическое» наказание как любое наказание, при котором применяется физическая сила и которое призвано причинить некоторую степень боли или дискомфорта, какими бы легкими они ни являлись. В большинстве случаев предполагается нанесение детям ударов («порка», «отшлепывание», «трепка») рукой или каким-либо предметом (кнутом, палкой, ремнем, туфлей, деревянной ложкой и т.д.). Но это также может быть связано, например, с пинками, встряхиванием или швырянием детей, царапаньем, щипанием, кусанием, выдергиванием волос или оплеухами, принуждением детей оставаться в неудобном положении, обжиганием, ошпариванием или принуждением к заглатыванию (например, промывкой рта мылом или принуждением к заглатыванию острых специй). По мнению Комитета, телесные наказания в любом случае являются унижительными. Кроме того, существуют другие, не связанные с применением физической силы виды наказания, которые также являются жестокими и унижающими достоинство и как таковые несовместимы с Конвенцией. К ним относятся, например, наказание унижением, оскорблением, клеветой

той, превращение детей в предмет издевательств, использование угроз, запугивание или высмеивание ребенка.

12. Телесные наказания и другие жестокие или унижающие достоинство виды наказания детей применяются во многих обстоятельствах, в том числе дома и в семье, во всех формах альтернативного ухода, школах и других учебных заведениях, а также в рамках систем отправления правосудия — как при вынесении судами приговоров, так и при наказании в пенитенциарных и других учреждениях, — в ситуациях, когда используется детский труд, и в обществе.

13. Отвергая всякое оправдание насилия и унижения в качестве видов наказания детей, Комитет ни в коем случае не отвергает позитивную концепцию дисциплины. Здоровое развитие ребенка зависит от родителей и других взрослых, которые обеспечивают необходимое воспитание и руководство в соответствии с развивающимися способностями ребенка с целью оказания помощи в его росте, с тем чтобы ребенок мог вести ответственную жизнь в обществе.

14. Комитет признает, что воспитание детей родителями и уход за ними, в особенности за грудными и маленькими детьми, часто требует физических усилий и действий в их защиту. Это существенно отличается от намеренного и репрессивного применения силы с целью причинения определенной боли, дискомфорта или унижения. Будучи взрослыми, мы сами знаем разницу между защитными физическими действиями и нападением с целью наказания; такое различие столь же нетрудно провести и в отношении действий применительно к детям. Законодательством во всех государствах, прямо или косвенно, допускается применение некарательной и необходимой силы для защиты людей.

15. Комитет признает, что существуют исключительные обстоятельства, при которых преподаватели и другие лица — например, работающие с детьми, содержащимися в детских учреждениях, и с детьми, находящимися в конфликте с законом, — могут сталкиваться с проявлениями опасного поведения, что оправдывает использование разумных ограничений для их пресечения. Здесь тоже существует четкое различие между применением силы, мотивированной необходимостью защиты ребенка и других лиц, и применением силы в целях наказания. Всегда должен использоваться принцип минимально необходимого применения силы в течение кратчайшего необходимого времени. обстоятельное руководство и подготовка также необходимы как для сведения к минимуму необходимости применения средств ограничения,

так и для обеспечения того, чтобы любые используемые методы были безопасными и соразмерными ситуации и не предполагали намеренного причинения боли в качестве одной из форм контроля.

IV. СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ТЕЛЕСНОЕ НАКАЗАНИЕ ДЕТЕЙ

16. До принятия Конвенции о правах ребенка в Международном билле о правах человека — Всеобщей декларации и двух международных пактах о гражданских и политических правах, а также об экономических, социальных и культурных правах — было подтверждено право «каждого» на уважение его/ее человеческого достоинства и физической неприкосновенности и равную защиту в рамках закона. Подтверждая обязанность государств запретить и искоренить все телесные наказания и другие жестокие или унижающие достоинство виды наказания, Комитет отмечает, что Конвенция о правах ребенка основана на этих положениях. Достоинство каждого и любого человека является основополагающим руководящим принципом международного права прав человека.

17. В преамбуле к Конвенции о правах ребенка подтверждается, в соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций, которые повторяются в преамбуле к Всеобщей декларации, что «признание присущего достоинства, равных и неотъемлемых прав всех членов общества является основой обеспечения свободы, справедливости и мира на земле». В преамбуле к Конвенции также упоминается о том, что во Всеобщей декларации Организация Объединенных Наций «провозгласила, что дети имеют право на особую заботу и помощь».

18. Статья 37 Конвенции требует от государств обеспечить, чтобы «ни один ребенок не был подвергнут пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания». Это дополнено и расширено статьей 19, которая обязывает государства принимать «все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке». Здесь нет никакой двусмысленности: «все формы физического или психологического насилия» не оставляют места для какого-либо уровня узаконенного насилия в отношении детей. Телесные на-

казания и другие жестокие или унижающие достоинство виды наказания являются формами насилия, и государства должны принимать все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью их ликвидации.

19. Кроме того, в пункте 2 статьи 28 Конвенции речь идет о школьной дисциплине, и он обязывает государства-участники «принимать все необходимые меры для обеспечения того, чтобы школьная дисциплина поддерживалась с помощью методов, отражающих уважение человеческого достоинства ребенка и в соответствии с настоящей Конвенцией».

20. В статье 19 и пункте 2 статьи 28 речь прямо не идет о телесных наказаниях. Ход работы по подготовке Конвенции не содержит свидетельств о каких-либо дискуссиях по вопросу о телесных наказаниях, которые проводились бы во время подготовительных сессий. Но Конвенцию, как и все правозащитные документы, необходимо рассматривать в качестве живого документа, толкование которого со временем развивается. За прошедшие после принятия Конвенции 17 лет в рамках процесса отчетности по Конвенции и с помощью исследований и деятельности, в частности, национальных правозащитных организаций и неправительственных организаций (НПО), стала более очевидной распространенность телесных наказаний детей дома, в школах и других учреждениях.

21. Как только эта практика становится очевидной, выясняется, что она прямо противоречит равным и неотъемлемым правам детей на уважение их человеческого достоинства и физической неприкосновенности. Особый характер детей, их изначально зависимое положение, характеризующееся развитием, их уникальный человеческий потенциал, а также их уязвимость — все это нуждается в большей, а не меньшей, правовой и иной защите от всех форм насилия.

22. Комитет подчеркивает, что ликвидация насильственных и унижительных наказаний детей с помощью реформы законов и принятия других необходимых мер является непосредственной и безоговорочной обязанностью государств-участников. Он отмечает, что другие договорные органы, включая Комитет по правам человека, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам и Комитет против пыток, высказывали эту же точку зрения в своих заключительных замечаниях по докладам государств-участников, которые представлялись в рамках соответствующих документов, и рекомендовали запретить телесные наказания в школах, пенитенциарных системах и, в некоторых случаях, в семье, а также принимать в этом отношении другие меры. Напри-

мер, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам в своем замечании общего порядка № 13 (1999) по вопросу о «праве на образование» заявил: «По мнению Комитета, телесное наказание несовместимо с одним из основных руководящих принципов международного права прав человека, провозглашенным в преамбулах Всеобщей декларации прав человека и обоих Пактов: достоинством личности. Другие аспекты школьной дисциплины могут быть несовместимы с достоинством личности, например, публичное унижение»¹⁰.

23. Телесные наказания также были осуждены региональными механизмами по правам человека. Европейский суд по правам человека в ряде решений последовательно осуждал телесные наказания детей, сначала в пенитенциарной системе, затем — в школах, включая частные школы, а в самое последнее время — дома¹¹. Европейский комитет по социальным вопросам, наблюдающий за соблюдением государствами — членами Совета Европы Европейской социальной хартии и пересмотренной Социальной хартии, установил, что соблюдение положений этих Хартий требует запрещения в законодательстве всех форм насилия в отношении детей, будь то в школе, других учреждениях, дома или где-либо еще¹².

24. В консультативном заключении Межамериканского суда по правам человека по вопросу о *правовом статусе и правах человека ребенка* (2002 г.) отмечается, что государства — участники Американской конвенции по правам человека «обязаны... принимать все позитивные меры, необходимые для обеспечения защиты детей от дурного обращения, будь то в их отношениях с государственными органами, отношениях между отдельными лицами или в отношениях с неправительственными образованиями». Суд цитирует положения Конвенции о правах ребенка, выводы Комитета по правам ребенка, а также решения Европейского суда по правам человека, касающиеся обязанностей государств по защите детей от насилия, в том числе от насилия в семье. Суд приходит к выводу о том, что «государства обязаны принимать позитивные меры с целью полного обеспечения эффективно осуществления прав ребенка»¹³.

25. Африканская комиссия по правам человека и народов наблюдает за осуществлением положений Африканской хартии прав человека и народов. В решении 2003 г. по индивидуальной жалобе относительно вынесения учащимся приговора в виде «избиения плетью» Комиссия установила, что это наказание нарушает положения статьи 5 Африканской хартии, которые запрещают жестокие, бесчеловеч-

ные или унижающие достоинство наказания. Она обратилась с просьбой к соответствующему правительству о внесении поправок в законодательство, с тем чтобы отменить наказание в виде избиения плетью и принять соответствующие меры с целью предоставления компенсации жертвам. В своем решении Комиссия отмечает: «Нет такого права у отдельных лиц и в особенности у правительства той или иной страны, которое предполагало бы применение физического насилия в отношении каких-либо лиц за совершение правонарушений. Такое право было бы равносильно санкционированию применения государством пыток на основе Хартии и противоречило бы самому характеру настоящего договора по правам человека»¹⁴. Комитету по правам ребенка отраздно отметить, что конституционные и другие высокие суды во многих странах приняли решения, осуждающие телесные наказания детей в некоторых или во всех местах, и в большинстве случаев сослались на Конвенцию о правах ребенка¹⁵.

26. Когда Комитет по правам ребенка ставил вопрос о ликвидации телесных наказаний перед некоторыми государствами во время рассмотрения их докладов, то представители правительств иногда высказывали мнение о том, что «разумные» или «умеренные» телесные наказания в некоторой степени могут быть оправданы, поскольку они отвечают «наилучшему обеспечению интересов» ребенка. Комитет установил, что одним из важных общих принципов является содержащееся в Конвенции требование о том, чтобы наилучшему обеспечению интересов ребенка уделялось первоочередное внимание во всех действиях в отношении детей (пункт 1 статьи 3). В статье 18 Конвенции также утверждается, что наилучшее обеспечение интересов ребенка является предметом основной заботы родителей. Но толкование наилучшего обеспечения интересов ребенка должно соответствовать всей Конвенции, включая обязательство по защите детей от всех форм насилия и требование, предполагающее должный учет взглядов ребенка; оно не может быть использовано для оправдания практики, включая телесные наказания и другие виды жестокого или унижающего достоинство наказания, которая посягает на человеческое достоинство ребенка и право на физическую неприкосновенность.

27. В преамбуле к Конвенции отмечается, что семья является «основной ячейкой общества и естественной средой для роста и благополучия всех ее членов, и особенно детей». Конвенция обязывает государства уважать и поддерживать семью. Нет никакого противоречия между обязательством государств

обеспечивать полную защиту в семье человеческого достоинства и физической неприкосновенности детей, наряду с другими членами семьи.

28. Статья 5 обязывает государства уважать ответственность, права и обязанности родителей «должным образом управлять и руководить ребенком в осуществлении им признанных настоящей Конвенцией прав и делать это в соответствии с развивающимися способностями ребенка». И вновь, как и ранее, толкование фразы «должным образом» управлять и руководить должно соответствовать всей Конвенции, и это не оставляет места для какого-либо оправдания насильственной или какой-либо другой жестокой или унижающей достоинство формы поддержания дисциплины.

29. Выдвигаются религиозные аргументы в защиту телесных наказаний, и при этом указывается, что в некоторых толкованиях религиозных текстов не только оправдывается их применение, но и говорится об обязанности их применять. Свобода религиозных убеждений для всех подтверждается в Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 18), но религиозная практика или убеждения должны соответствовать уважению человеческого достоинства и физической неприкосновенности других людей. Свобода практиковать собственную религию или убеждения может быть на законных основаниях ограничена в интересах защиты основополагающих прав и свобод других людей. Комитет установил, что в определенных государствах дети, в некоторых случаях с самого раннего возраста, а в других — с того момента, когда они считаются достигшими зрелости, могут приговариваться к мерам наказания, предполагающим крайнее насилие, включая забрасывание камнями и ампутацию конечностей, что предписывается в рамках определенных толкований религиозных законов. Такие наказания явно нарушают положения Конвенции и других международных стандартов в области прав человека, на что также указывали Комитет по правам человека и Комитет против пыток, и они должны быть запрещены.

V. МЕРЫ И МЕХАНИЗМЫ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ЗАПРЕЩЕНИЯ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО ВИДОВ НАКАЗАНИЯ

1. Законодательные меры

30. Формулировка статьи 19 Конвенции основана на статье 4, и в ней четко говорится о том, что государствам необходимо принимать законодательные и другие меры для выполнения своих обязательств по

защите детей от всех форм насилия. Комитет приветствует тот факт, что во многих государствах Конвенция или ее принципы были включены во внутреннее законодательство. Во всех государствах существуют уголовные законы, призванные защищать граждан от нападений. Во многих действуют конституции и/или законы, отражающие международные стандарты в области прав человека и положения статьи 37 Конвенции о правах ребенка, подтверждающие право «каждого» на защиту от пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Во многих странах также введены специальные законы о защите детей, в которых «дурное обращение», «насилие» или «жестокость» квалифицируются в качестве преступлений. Но Комитет, рассмотрев доклады государств, установил, что такие законодательные положения, как правило, не гарантируют защиту ребенка от телесных наказаний и других жестоких или бесчеловечных видов наказания в семье и в других обстоятельствах.

31. При рассмотрении докладов Комитет отметил, что во многих государствах существуют четкие правовые положения в уголовных и/или гражданских (семейных) кодексах, которые предоставляют родителям и другим опекунам защиту или оправдание в отношении применения некоторой доли насилия при обучении детей «дисциплине». Например, защита «законных», «обоснованных» или «умеренных» взысканий или исправительных наказаний являлась частью общего английского права в течение столетий, как и право на «исправительное наказание» во французском праве. Одно время во многих государствах эта же защита также существовала для оправдания наказания жен своими мужьями и наказания рабов, слуг и учеников своими хозяевами. Комитет подчеркивает, что Конвенция требует отмены всех положений (в статутном или общем — прецедентном — праве), которые допускают определенную степень насилия в отношении детей (например, «обоснованные» или «умеренные» наказания или исправительные взыскания) в их домах/семьях или в каких-либо других местах.

32. В некоторых государствах телесные наказания целенаправленно санкционируются в школах и других учреждениях, причем нормативными положениями обусловлено, как и кем они должны применяться. А в ограниченном числе государств телесные наказания с использованием палок или кнутов по-прежнему допускаются в качестве приговора, выносимого судами правонарушителям-детям. Как это часто под-

тверждал Комитет, Конвенция требует отмены всех таких положений.

33. Комитет отметил, что в некоторых государствах, хотя в их законодательстве нет прямых положений о защите или оправдании телесных наказаний, тем не менее традиционное отношение к детям предполагает, что телесные наказания являются допустимыми. Иногда эти воззрения находят свое воплощение в судебных решениях (в которых родители или учителя, или другие опекуны оказываются оправданными в нападении или в дурном обращении на том основании, что они осуществляли свое право или свободу на умеренное «исправительное наказание»).

34. Учитывая традицию признания насильственных и унижительных форм наказания детей, растущее число государств отмечает, что простая отмена разрешения телесных наказаний и каких-либо освобождающих от ответственности обстоятельств является недостаточной. Кроме того, необходимо прямо запретить телесные наказания или другие жестокие или унижающие достоинство виды наказания в их гражданском или уголовном законодательстве для того, чтобы стало абсолютно ясно, что бить или «пороть», или «шлепать» ребенка так же незаконно, как и взрослого, и что положения уголовного закона о нападении в равной мере распространяются и на такое насилие, независимо от того, называется ли оно «дисциплинарной» или «разумной мерой исправления».

35. Как только положения уголовного права будут в полной мере распространены на нападения на детей, дети будут защищены от телесных наказаний, кем бы они ни являлись и кем бы ни было лицо, к ним прибегающее. Но Комитет считает необходимым с учетом традиции признания телесных наказаний, чтобы в действующих секторальных законах — например в законах о семье, образовании, всех формах альтернативного ухода и системе правосудия, законах о трудоустройстве — содержался четкий запрет их применения в соответствующих условиях. Кроме того, было бы полезно, если бы в профессиональных этических кодексах и руководствах для педагогов, опекунов и других лиц, а также в правилах и уставах учреждений подчеркивалась незаконность телесных наказаний и других видов жестокого или унижающего достоинство наказания.

36. Комитет также обеспокоен сообщениями о том, что телесные наказания и другие жестокие и унижающие достоинство виды наказания применяются в ситуациях, в которых используется детский труд, в том числе в домашних условиях. Комитет вновь заявляет

о том, что Конвенция и другие соответствующие документы по правам человека защищают ребенка от экономической эксплуатации и от любой работы, которая может быть опасной, мешать обучению ребенка или наносить вред его развитию, и требуют определенных гарантий для обеспечения эффективности этой защиты. Комитет подчеркивает настоятельную необходимость того, чтобы запрещение телесных наказаний и других жестоких или унижающих достоинство видов наказания соблюдалось во всех ситуациях, в которых используется детский труд.

37. Статья 39 Конвенции требует, чтобы государства принимали все необходимые меры для содействия физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребенка, являющегося жертвой «любых видов пренебрежения, эксплуатации или злоупотребления, пыток или любых других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания». Телесные наказания и другие унижающие достоинство формы наказания могут нанести серьезный вред физическому, физиологическому и социальному развитию ребенка, для чего могут потребоваться медицинский и прочий уход и лечение. Такой уход и лечение должны предоставляться в условиях, которые содействуют комплексному восстановлению здоровья, самоуважения и достоинства ребенка, и, по мере возможности, должны распространяться на всю семью ребенка. При уходе и лечении следует руководствоваться междисциплинарным подходом с проведением специализированной подготовки задействованных специалистов. Должное внимание следует уделять взглядам ребенка в том, что касается всех аспектов его лечения, и оценке его результатов.

2. Введение запрета на телесные наказания и другие жестокие или унижающие достоинство виды наказания

38. Комитет считает, что введение запрета на все телесные наказания требует организации просветительской деятельности, инструктивных мероприятий и обучения всех, кого это касается (см. пункт 45 и далее, ниже). При этом необходимо обеспечить, чтобы закон действовал в наилучших интересах детей, подвергающихся таким наказаниям, особенно в случаях, когда к ним прибегают родители или близкие, члены семьи. Первой целью законодательной реформы, призванной запретить телесные наказания детей в семье, является профилактика: не допускать насилия в отношении детей путем изменения взглядов и практики, подчеркивая право детей на равную защиту и создавая четкие основания для защиты детей и раз-

вития положительных, ненасильственных и предполагающих участие форм воспитания детей.

39. Для достижения четкого и безоговорочного запрещения всех видов телесных наказаний потребуются разнообразные правовые реформы в различных государствах-участниках. Для этого может понадобиться принятие специальных положений в секторальных законах, охватывающих образование, правосудие по делам несовершеннолетних и все формы альтернативного ухода. Однако следует со всей определенностью подчеркнуть, что положения уголовного права, связанные с нападениями, распространяются и на все формы телесных наказаний, в том числе в семье. Для этого может потребоваться принятие какого-либо дополнительного положения в уголовных кодексах государств-участников. Но также можно включить в гражданские кодексы или законы о семье положения, запрещающие все формы насилия, в том числе всякие телесные наказания. В таких положениях подчеркивается, что родители и другие опекуны более не могут использовать какие-либо традиционные оправдания, связанные с тем, что они имеют право («разумно» или «умеренно») прибегать к телесным наказаниям в случае привлечения их к судебной ответственности по уголовному кодексу. В семейном праве также должно ясно предусматриваться, что в число обязанностей родителей входит надлежащее воспитание детей и руководство ими без каких бы то ни было форм насилия.

40. Принцип равной защиты детей и взрослых от нападений, в том числе в рамках семьи, не означает, что во всех выявленных случаях телесных наказаний детей их родителями последние должны привлекаться к судебной ответственности. В соответствии с принципом *de minimis* закон не распространяется на тривиальные случаи — незначительные стычки между взрослыми доходят до суда лишь в самых исключительных обстоятельствах; это же верно и в том, что касается незначительных нападений на детей. Государствам необходимо разработать эффективные механизмы отчетности и обращения за помощью. Хотя по всем сообщениям о насилии в отношении детей следует проводить надлежащие расследования и обеспечивать защиту детей от серьезного ущерба, цель должна заключаться в том, чтобы родители перестали прибегать к насильственным или другим жестоким или унижающим достоинство наказаниям и использовали меры поддержки и воспитания, а не наказания.

41. Зависимое положение детей и исключительная доверительность внутри семейных отношений требу-

ют того, чтобы решения о преследовании родителей или о формальном вмешательстве в дела семьи иными способами принимались с очень большой осторожностью. Привлечение родителей к ответственности в большинстве случаев вряд ли служит наилучшим интересам их детей. Комитет считает, что привлечение к ответственности и другие формальные меры (например, временное удаление ребенка из семьи с установлением над ним опеки или изоляция виновника) должны применяться в тех случаях, когда они признаются необходимыми для защиты ребенка от серьезного вреда и наилучшим образом отвечающими его интересам. Следует должным образом учитывать взгляды пострадавшего ребенка в соответствии с его или ее возрастом и зрелостью.

42. В процессе консультирования и подготовки всех, кто задействован в системах охраны ребенка, включая полицию, органы прокуратуры и суды, следует подчеркивать данный подход к применению законов. При инструктировании следует также подчеркивать, что в статье 9 Конвенции содержится требование о том, что любое разлучение ребенка с родителями должно считаться необходимым для обеспечения наилучших интересов ребенка и подлежать судебному пересмотру в соответствии с действующими законами и процедурами, причем при этом должны быть представлены все заинтересованные стороны, включая ребенка. В тех случаях, когда разлучение считается обоснованным, следует рассматривать альтернативы помещению ребенка вне семьи, включая удаление виновника, отсрочку исполнения приговора и т.д.

43. В тех случаях, когда, несмотря на запрет и позитивные просветительские и учебные программы, становится известно о случаях телесных наказаний вне дома и семьи — например в школах, других учреждениях и в рамках различных форм альтернативного ухода — разумным ответом может быть привлечение к судебной ответственности. Очевидным сдерживающим фактором для правонарушителя должна также быть угроза принятия других дисциплинарных мер или увольнения. Настоятельно необходимо, чтобы о запрещении телесных и других жестоких или унижающих достоинство наказаний, а также о санкциях, которые могут быть применены в случае использования таких наказаний, хорошо знали дети и все те, кто работает с детьми или ради детей во всех местах. Системы дисциплинарного мониторинга и порядок обращения с детьми должны стать частью постоянного наблюдения за всеми учреждениями и ситуациями, чего требует Конвенция. Дети и их

представители, находящиеся во всех таких ситуациях, должны иметь оперативный и конфиденциальный доступ к консультативным службам, ориентированным на учет интересов ребенка, защитным процедурам и процедурам подачи жалоб, а в конечном счете — судам для получения необходимой правовой и иной помощи. Для институциональных учреждений следует установить требование, предполагающее необходимость сообщать о всяких насильственных инцидентах, и разбирать их.

3. Просветительские и прочие меры

44. В статье 12 Конвенции подчеркивается важность уделения должного внимания взглядам ребенка относительно разработки и осуществления просветительских и прочих мер, призванных ликвидировать телесные наказания и другие жестокие или унижающие достоинство виды наказания.

45. С учетом широко распространенной традиции признания телесных наказаний сам по себе запрет не приведет к необходимым изменениям во взглядах и практике. Необходима всесторонняя пропаганда права детей на защиту и тех законов, в которых оно отражено. В соответствии со статьей 42 Конвенции государства обязуются, используя надлежащие и действенные средства, широко информировать о принципах и положениях Конвенции как взрослых, так и детей.

46. Кроме того, государства должны обеспечивать, чтобы позитивные, ненасильственные отношения и методы воспитания на постоянной основе пропагандировались среди родителей, опекунов, учителей и всех других лиц, которые работают с детьми и семьями. Комитет подчеркивает, что Конвенция требует ликвидации не только телесных наказаний, но также и всех других жестоких или унижающих достоинство видов наказания детей. Подробно предписывать, как родители должны относиться к своим детям или воспитывать их, не входит в задачи Конвенции. Но Конвенция содержит систему принципов, которые призваны определять отношения как внутри семьи, так и между учителями, опекунами и другими лицами и детьми. Необходимо уважать потребности детей в развитии. Дети учатся на поступках взрослых, а не только исходя из того, что взрослые говорят. Когда самые близкие для ребенка взрослые прибегают к насилию и унижению в своих отношениях с ребенком, они демонстрируют неуважение к правам человека и преподают убедительный и опасный урок, суть которого сводится к тому, что таковыми являются законные пути поиска решения конфликта или изменения поведения.

47. В Конвенции подтверждается статус ребенка как самостоятельной личности и обладателя прав человека. Ребенок не является собственностью родителей, государства, как не является он и просто объектом заботы. В этом смысле в статье 5 содержится обращенное к родителям (или, где это уместно, членам расширенной семьи или общины) требование должным образом управлять и руководить ребенком в осуществлении им признанных Конвенцией прав и делать это в соответствии с развивающимися способностями ребенка. В статье 18, в которой подчеркивается, что родители или законные опекуны несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка, отмечается, что «наилучшее обеспечение интересов ребенка является предметом их основной заботы». В соответствии со статьей 12 государства обязаны обеспечивать ребенку право свободно выражать свои взгляды «по всем вопросам, затрагивающим ребенка», причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью. Это подчеркивает необходимость использования таких методов родительского воспитания, ухода и обучения, которые уважают права детей на участие. В своем замечании общего порядка № 1 по вопросу о «целях образования» Комитет подчеркнул важность развития такого образования, которое бы «учитывало потребности и интересы ребенка и раскрывало перед ним новые возможности»¹⁶.

48. Комитет отмечает, что сегодня имеется множество примеров материалов и программ, пропагандирующих позитивные, ненасильственные формы родительского воспитания и обучения, ориентированные на родителей, других опекунов и учителей и разработанные правительствами, учреждениями Организации Объединенных Наций, НПО и другими структурами¹⁷. Они могут быть должным образом адаптированы для использования в различных обстоятельствах и ситуациях. Очень важную роль в повышении уровня осведомленности и просвещении общественности могут сыграть средства массовой информации. Для того чтобы поставить под сомнение традиционную зависимость от телесных наказаний и других жестоких или унижающих достоинство форм поддержания дисциплины, необходимо принимать меры на постоянной основе. Пропаганда ненасильственных форм родительского воспитания и обучения должна осуществляться на всех этапах взаимодействия между государством и родителями с детьми в сфере здравоохранения, социального обеспечения и в сфере образования, включая дошкольные учреждения, центры по уходу за детьми в дневное время и школы. Она так-

же должна быть включена в программы первоначальной подготовки и повышения квалификации без отрыва от работы учителей и всех тех, кто работает с детьми, в системах по обеспечению ухода и отправления правосудия.

49. Согласно предложению комитета государства, возможно, пожелают обратиться за технической помощью, в частности к ЮНИСЕФ и ЮНЕСКО, в том, что касается пропаганды, просвещения общественности и профессиональной подготовки с целью развития ненасильственных подходов.

4. Мониторинг и оценка

50. В своем замечании общего порядка № 5 об «общих мерах по осуществлению Конвенции о правах ребенка (статьи 4, 42 и пункт 6 статьи 44)» Комитет подчеркивает необходимость систематического мониторинга государствами-участниками процесса реализации прав детей за счет разработки соответствующих показателей и сбора достаточных и достоверных данных¹⁸.

51. Следовательно, государствам-участникам надлежит следить за своим прогрессом в деле ликвидации телесных наказаний и других жестоких или унижающих достоинство видов наказания, а значит — реализации прав детей на защиту. Важнейшее значение для точной оценки степени распространения этих форм насилия в семье и отношения к ним имеют исследования, подготовленные с использованием материалов бесед с детьми, их родителями и другими опекунами в условиях конфиденциальности и при обеспечении соответствующих этических гарантий. Комитет призывает все государства провести / заказать такие исследования и подготовить их, насколько это возможно, с привлечением групп, представляющих все население, с тем чтобы собрать исходную информацию, а затем на регулярной основе оценивать прогресс. Результаты этих исследований также могут послужить ценным руководством для разработки универсальных и целевых пропагандистских кампаний и подготовки специалистов, работающих с детьми и в их интересах.

52. В замечании общего порядка № 5 Комитет также подчеркивает важность независимого мониторинга процесса осуществления, например парламентскими комитетами, НПО, академическими учреждениями, профессиональными ассоциациями, молодежными группами и независимыми учреждениями по правам человека (см. также высказанное Комитетом замечание общего порядка № 2 о «роли независимых национальных правозащитных учреждений в деле поощрения и защиты прав ребенка»¹⁹). Все

это могло бы играть важную роль в мониторинге осуществления права детей на защиту от всех телесных наказаний и других жестоких или унижающих достоинство видов наказания.

VI. ТРЕБОВАНИЯ ОТЧЕТНОСТИ ПО КОНВЕНЦИИ

53. Комитет предполагает, что государства будут включать в свои периодические доклады по Конвенции информацию о мерах, принятых для запрещения и недопущения любых телесных наказаний и других жестоких или унижающих достоинство видов наказания в семье и во всех других местах, включая информацию о соответствующей просветительской деятельности и пропаганде позитивных, ненасильственных отношений, а также оценке соответствующим государством прогресса в деле достижения полного уважения прав детей на защиту от всех форм насилия. Комитет также призывает все учреждения Организации Объединенных Наций, национальные правозащитные учреждения, НПО и другие компетентные органы представлять ему соответствующую информацию о правовом статусе и степени распространения телесных наказаний, а также прогрессе в деле их искоренения.

Примечания

- 1 Исследование Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по вопросу о насилии в отношении детей должно быть представлено Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций осенью 2006 г. Подробности см.: <http://www.violencestudy.org>.
- 2 Комитет по правам ребенка, доклад о работе четвертой сессии, 25 октября 1993 г. CRC/C/20, пункт 176.
- 3 Со всеми заключительными замечаниями Комитета можно ознакомиться на сайте: www.ohchr.org.
- 4 Всемирная инициатива по прекращению всех видов телесного наказания детей содержит доклады о правовом статусе телесного наказания на сайте: www.endcorporalpunishment.org.
- 5 Комитет по правам ребенка, день общей дискуссии по вопросу о насилии со стороны государства, которому подвергаются дети. Доклад о работе двадцать пятой сессии, сентябрь/октябрь 2000 г. CRC/C/100, пункты 666–688.
- 6 Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 1, «Цели образования», 17 апреля 2001 года. CRC/GC/2001/1, пункт 8.
- 7 Комитет по правам ребенка, день общей дискуссии по вопросу о насилии в отношении детей в семье и школе, доклад о работе двадцать восьмой сессии, сентябрь/октябрь 2001 г. CRC/C/111, пункты 701–745.
- 8 Резолюция 56/138 Генеральной Ассамблеи.
- 9 Статья 1.
- 10 Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, замечание общего порядка № 13, «Право на образование» (статья 13), 1999 г., пункт 41.
- 11 Телесные наказания были осуждены в ряде решений Европейской комиссии по правам человека и Европейского суда по правам человека. См., в частности, дело Тайер против Соединенного Королевства, 1978 г.; дело Кэмпбэлл и Козанс против Соединенного Королевства, 1982 год; дело Костелло-Робертс против Соединенного Королевства, 1993 г.; А. против Соединенного Королевства, 1998 г. С решениями Европейского суда можно ознакомиться на сайте: <http://www.echr.coe.int/echr>.
- 12 Европейский комитет по социальным правам, замечания общего порядка по пункту 10 статьи 7 и статье 17. Conclusions XV-2, Vol. 1, General Introduction, p. 26, 2001. Комитет после этого опубликовал выводы, в которых установил, что ряд государств-членов не соблюдают соответствующие положения, поскольку они не запретили все телесные наказания в семье и в других местах. В 2005 г. он опубликовал решения по коллективному жалобам, представленным в рамках уставов, и установил, что три государства не соблюдают соответствующие положения, поскольку они не ввели соответствующих запретов. Подробную информацию см.: http://www.coe.int/T/E/Human_Rights/Esc/; также *Eliminating corporal punishment: a human rights imperative for Europe's children*, Council of Europe Publishing, 2005.
- 13 Межамериканский суд по правам человека, консультативное заключение ОС-17/2002 от 28 августа 2002 г., пункты 87 и 91.
- 14 Африканская комиссия по правам человека и народов, дело Кюрис Франсис Доебблер против Судана, комментарий № 236/2000 (2003). См. пункт 42.
- 15 Например, в 2002 г. Апелляционный суд Фиджи объявил телесные наказания в школах и в пенитенциарной системе неконституционными. Решение гласило: «Дети обладают правами, которые несколько не уступают правам взрослых. Фиджи была ратифицирована Конвенция о правах ребенка. Наша Конституция также гарантирует каждому человеку основополагающие права. Правительство обязано соблюдать принципы, обеспечивающие уважение прав всех индивидов, общин и групп. В силу своего статуса дети нуждаются в особой защите. Наши учебные заведения должны быть пристанищами мира и творческого обогащения, а не местами страха, дурного обращения и унижения человеческого достоинства учащихся» (Апелляционный суд Фиджи, дело Наушад Али против государства, 2002 г.). В 1996 г. самый высокий суд Италии, Верховный кассационный суд в Риме, принял решение, знаменовавшее собой эффективный запрет всех телесных наказаний со стороны родителей. В решении говорится: «...Применение насилия в воспитательных целях более не может считаться законным. Для этого существуют две причины: первая заключается в первоочередной важности, которую [итальянская] правовая система придает защите достоинства индивида. К этой категории относятся «несовершеннолетние», которые в настоящее время обладают правами и более не являются просто объектами, которые должны защищаться своими родителями или, что еще хуже, объектами, находящимися в распоряжении своих родителей. Вторая причина заключается в том, что если говорить о целях воспитания, то гармоничное развитие личности ребенка, которое обеспечивает, чтобы он/она поняли ценности мира, терпимости и сосуществования, не может быть достигнуто с использованием насильственных средств, которые противоречат этим целям» (Cambria, Cass, sez. VI, 18 Marzo 1996 [Supreme Court of Cassation, 6th Penal Section, March 18 1996], Foro It II 1996, 407 (Italy)). См. также: Конституционный суд Южной Африки (2000 г.), дело «Христианское образование Южной Африки против

министра образования». ССТ4/00; 2000(4)SA757 (CC); 2000(10) BCLR 1051 (CC), 18 августа 2000 г.

16 См. примечание 11.

17 В качестве одного из примеров Комитет дает высокую оценку справочнику ЮНЕСКО *Eliminating corporal punishment: the way forward to constructive child discipline*, UNESCO Publishing, Paris, 2005. В нем приводится комплекс принципов обеспечения конструктивной дисциплины на основе Конвенции. Он также содержит ссылки

на размещение в Интернете материалов и программ со всего мира.

18 Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 5 (2003), «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка», пункт 2.

19 Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 2 по вопросу о «роли независимых национальных правозащитных учреждений в деле поощрения и защиты прав ребенка», 2002 г.

Требования к оформлению рукописей

Уважаемые авторы!

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1.5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски сквозные, в конце статьи, обозначения арабскими цифрами). Объем материала не должен превышать 10 страниц. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Договор о предоставлении права использования произведения заключается в устной форме и является безвозмездным, т.е. плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение.

4. В отдельном файле авторы направляют в редакцию на русском и английском языках (обязательно для лиц, сдававших кандидатский экзамен по английскому языку) следующие сведения и материалы:

a) фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, ученое звание;

b) название статьи;

c) аннотацию (4–5 строк);

d) ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);

e) служебный адрес либо адрес электронной почты (эта информация будет опубликована в журнале).

Кроме того, автор представляет только на русском языке пристатейный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи).

Данные, представляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

5. Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

**При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию
по телефону (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru.**

Сайт Издательской группы «Юрист» www.lawinfo.ru

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7

Российская академия юридических наук

предлагает следующие виды
научно-исследовательских, образовательных, юридических,
информационных, экспертных и издательских услуг:

»» Рецензирование научных, учебных и научно-практических работ

вузам и издательствам:

- Рецензии на работы ведущих ученых страны.
- Выдача грифа — «Рекомендовано в качестве учебника (учебного пособия) Российской академией юридических наук».

»» Экспертные услуги

- Подготовка юридических заключений ведущими специалистами России органам законодательной, исполнительной и судебной власти.

»» Услуги в сфере правотворчества

- Подготовка законопроектов и проектов подзаконных актов органам государственной власти и местного самоуправления.
- Подготовка пояснительных записок на акты правотворческой деятельности.
- Осуществление экспертной оценки действующего законодательства.

»» Юридические услуги

- Консультации и разъяснения по юридическим вопросам.
- Устные и письменные справки по законодательству.
- Составление заявлений, жалоб и других документов правового характера.
- Представительство в суде, арбитраже и других государственных органах по гражданским делам и делам об административных правонарушениях.
- Иная юридическая помощь.

»» Издательская деятельность

Выпуск:

- монографий;
- учебников;
- учебных пособий;
- журналов;
- каталогов.

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7

Тел./факс: (495) 953-60-69, 951-88-28

[http: раюн.рф](http://раюн.рф)

e-mail: akadem@lawinfo.ru